

ISSN 0202-151X

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

1984

7

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

1984

7

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

акад. АН УзССР Э. Ю. ЮСУПОВ (*главный редактор*), акад. АН УзССР С. К. ЗИЯДУЛЛАЕВ, акад. АН УзССР И. И. ИСКАНДЕРОВ, акад. АН УзССР С. К. КАМАЛОВ, акад. АН УзССР Қ. И. ЛАПКИН, акад. АН УзССР М. Н. НУРМУХАМЕДОВ (*зам. главного редактора*), акад. АН УзССР М. Ю. ЮЛДАШЕВ, член-корр. АН УзССР Г. А. АБДУРАХМАНОВ, член-корр. АН УзССР Р. Х. АМИНОВА, член-корр. АН УзССР М. А. АХУНОВА, член-корр. АН УзССР М. Б. БАРАТОВ, член-корр. АН УзССР П. Г. БУЛГАКОВ, член-корр. АН УзССР В. В. КИМ, член-корр. АН УзССР М. К. КОШЧАНОВ, член-корр. АН УзССР Г. А. ПУГАЧЕНКОВА, член-корр. АН УзССР С. П. ТУРСУНМУХАМЕДОВ, член-корр. АН УзССР Х. Т. ТУРСУНОВ, член-корр. АН УзССР Ш. З. УРАЗАЕВ, член-корр. АН УзССР М. М. ХАЙРУЛЛАЕВ, доктор ист. наук А. А. АСКАРОВ, доктор филол. наук А. П. КАЮМОВ, доктор ист. наук Б. В. ЛУНИН (*зам. главного редактора*), доктор ист. наук А. Р. МУХАМЕДЖАНОВ, доктор филос. наук Ж. Т. ТУЛЕНОВ (*зам. главного редактора*), доктор филос. наук Қ. Х. ХАНАЗАРОВ, доктор экон. наук А. Х. ХИКМАТОВ, Б. И. КНОПОВ (*отв. секретарь*).

*Адрес редакции: г. Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Телефоны: 33-47-12, 39-04-83.*

Редактор *И. А. Маркман*
Технический редактор *Г. Ю. Чурина*

Сдано в набор 25.07.84. Подписано к печати 21.08.84. Р01161. Формат 70×108^{1/16}. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 4,90. Уч. изд. л. 5,6. Тираж 1111.
Цена 65 к. *Ванна 122.*

Издательство «Фан» УзССР. 700047. Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Типография Изд-ва «Фан», Ташкент, проспект М. Горького, 79.

Решения партии — в жизнь!

И. И. АБДУРАХМАНОВ

**ДИСЦИПЛИНА ТРУДА — ВАЖНЫЙ ФАКТОР
ТРУДОВОГО ПРОЦЕССА**

Еще до победы Великого Октября В. И. Ленин указывал на необходимость строжайшего соблюдения трудовой и государственной дисциплины при социализме. Когда же трудящиеся взяли власть в свои руки, Владимир Ильич акцентировал особое внимание на необходимости сознательной дисциплины в труде, подчеркивал коренную разницу между новой дисциплиной освобожденных от гнета рабочих и крестьян и старой, буржуазной дисциплиной, основывающейся на эксплуатации человека человеком.

Социалистическое общество — это общество людей труда, в котором действует закон «Кто не работает, тот не ест». Понятно, что его невозможно соблюдать без высокой трудовой дисциплины, которая, по ленинскому определению, является гвоздем всего хозяйственного строительства социализма, основой нашего понимания диктатуры пролетариата.

В апреле 1918 г. в брошюре «Очередные задачи Советской власти» В. И. Ленин писал: «Надо закрепить то, что мы сами отвоевали, что мы сами декретировали, узаконили, обсудили, наметили, — закрепить в прочные формы *повседневной трудовой дисциплины*. Это — самая трудная, но и самая благодарная задача, ибо только решение ее даст нам социалистические порядки»¹.

Ленинские установки о дисциплине легли в основу советского законодательства. В Конституции СССР (ст. 14) указано, что в соответствии с принципом социализма «От каждого — по способности, каждому — по труду» государство осуществляет контроль за мерой труда и потребления. А добросовестный труд, соблюдение трудовой дисциплины — это обязанность и дело чести каждого гражданина. И наоборот, уклонение от общественно полезного труда несовместимо с принципами социалистического общества (ст. 60 Конституции СССР).

Коммунистическая партия и Советское государство всегда уделяли и уделяют этим вопросам первоочередное внимание. Это отражено, в частности, в постановлениях ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС «О дальнейшем укреплении трудовой дисциплины и сокращении текучести кадров в народном хозяйстве» (январь 1980 г.) и «Об усилении работы по укреплению социалистической дисциплины труда» (август 1983 г.). В них отмечается, что в современных условиях, с увеличением масштабов производства, усложнением хозяйственных связей, ускорением научно-технического прогресса повышается значение каждого часа, каждой минуты рабочего времени, строгого соблюдения правил внутреннего распорядка.

Укрепление трудовой дисциплины — это требование самой жизни, без выполнения которого мы не сможем быстро идти вперед. Партия постоянно подчеркивает, что нам нужна сознательная, рабочая дисциплина, такая, которая двигала бы вперед производство.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 202—203.

«Вопрос об организованности, о порядке — для нас ключевой, принципиальный, — говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко на февральском (1982 г.) Пленуме ЦК партии. — На счет этого двух мнений быть не может. Всякая разболтанность, безответственность оборачиваются для общества не только материальными издержками. Они причиняют серьезный социальный, нравственный ущерб. Это хорошо понимаем мы, коммунисты, понимают миллионы советских людей. И вполне закономерно, что поистине всенародное одобрение получили меры, принятые партией в целях повышения трудовой, производственной, плановой, государственной дисциплины...»²

Работа по укреплению производственной и трудовой дисциплины велась у нас всегда. Острая постановка проблемы после ноябрьского (1982 г.) Пленума ЦК КПСС — веление времени, учет конкретных требований жизни. При огромных, быстро растущих масштабах производства в стране нарушения государственной, финансовой, плановой, снабженческой, технологической, исполнительской, трудовой дисциплины наносят значительный материальный и моральный урон всему обществу.

Между тем наведение должного порядка зачастую не связано с какими-либо особыми затратами.

Социалистическая дисциплина труда — это не только строгое соблюдение правил внутреннего распорядка, но и сознательное, творческое отношение к своей работе, обеспечение ее высокого качества, производительное использование рабочего времени.

Говоря ленинскими словами, дисциплина — то самое звено, за которое надо ухватиться, чтобы вытянуть всю цепь. Ведь не секрет, что мы теряем миллионы человеко-часов за счет отлучек с производства, перекуров, прогулов, опозданий и т. д.

Когда мы говорим о дисциплине, то имеем в виду всю трудовую производственную цепочку. Борьбу за дисциплину нельзя сводить лишь к вопросу о ликвидации прогулов и опозданий. Чем занят работник в течение всего рабочего дня, как он справляется со своим заданием, как он загружен, созданы ли ему необходимые условия для производительного труда? Это решающие вопросы, ибо суть социалистической дисциплины — в полной творческой отдаче каждого на своем рабочем месте.

Есть много путей и средств рационального использования рабочего времени. Например, коллектив завода «Ташсельмаш» выступил за разработку и выполнение планов повышения производительности труда на основе комплексного использования резервов на каждом рабочем месте. Важным фактором повышения эффективности производства служит подтягивание отстающих рабочих, бригад, цехов до уровня передовых. Патриотическая инициатива «Ни одного отстающего рядом» нашла широкую поддержку в коллективах республики. В капитальном строительстве значительное развитие получили новые формы организации труда. Примером может служить бригадный подряд. Как правило, хозрасчетные коллективы обеспечивают резкое сокращение сроков возведения объектов. В этих бригадах по существу снят с повестки дня вопрос о прогулах, опозданиях на работу, других нарушениях дисциплины. Это прежде всего следствие того, что оплата труда здесь поставлена в прямую зависимость от его результатов, а за количеством и качеством труда каждого работника следит вся бригада. И люди стремятся использовать для дела каждую минуту.

Главное — всемерно сокращать потери рабочего времени. Это неременное условие дальнейшего повышения производительности труда, эффективности производства. Ведь на их уровень влияет каждая минута.

² Черненко К. У. Речь на Пленуме ЦК КПСС 13 февраля 1984 г. — *Партийная жизнь*, М., 1983, № 3, с. 6—7.

Знатная вышивальщица самаркандской фабрики «Труд женщин» Салима Лукманова изо дня в день вдвое перевыполняет сменное задание. Не менее двойной нормы ежедневно вырабатывает комплексная бригада слесарей-монтажников спецтреста № 93, возглавляемая Ф. Шайдуллиным, 200% и более — такова стабильная производительность токаря завода «Подъемник» В. Бочкова, бригадира шлифовщиков производственного объединения «Узбекхлопкомаш» Т. Игумнова, других инициаторов известного патриотического почина пятнадцати. В одном ряду с ними — сотни и тысячи их последователей.

Что же помогает правофланговому соревнованию трудиться столь производительно? Главный «секрет» гвардейцев пятилетки — в высокой квалификации, внутренней подтянутости, собранности, умении дожить каждой рабочей минутой.

Рабочее время — это естественное состояние труда, его живое бытие, как писал Маркс. Нет ничего более быстротечного, чем время. Вместе с тем нет ничего и более ценного. «Время — самое драгоценное из сокровищ», — говорили еще в древности. Его нельзя собрать, накопить, потерянного времени не вернуть.

Сокращению потерь рабочего времени у нас всегда уделялось пристальное внимание. Ныне, на этапе развитого социализма, эта задача обретает особую актуальность и значимость, что связано с рядом причин.

Прежде всего, неизмеримо выше стала «цена» времени. Ныне за одну минуту в стране вырабатывается более 2 млн. квт. ч электроэнергии, добывается 1165 т нефти, включая газовый конденсат, более 235 т цемента, около 21 тыс. м² готовых тканей, выпускается 16 телевизоров, 11 холодильников и т. д.³

Согласно подсчетам экономистов, сегодня минута рабочего времени «стоит» в масштабе страны свыше 1500 тыс. руб. Потеря одной минуты в производственной сфере при нынешнем уровне занятости населения равнозначна потере результатов дневного труда более 200 тыс. человек⁴.

Сейчас у нас за одну минуту производится почти в 24 раза больше электроэнергии, чем в 1940 г., в 3 с лишним раза больше тканей и т. п. В целом за одну минуту промышленность СССР выпускает продукции на сумму, почти в 160 раз большую, чем до революции.

В 1913 г. в России за одну минуту производилось 8,2 т стали, в предвоенном 1940 г. — 35, а сейчас — более 300 т. Иначе говоря, то, что до революции производилось за месяц, сейчас — менее чем за день. И таких примеров много. Все они свидетельствуют о том, как дорога рабочая минута, как важно ее беречь и правильно использовать.

Подсчитано, что час простоя тракторов ДТ-75 и «Беларусь» обходится потерей 6 руб., трактора Т-150 К — 10 руб., а К-701 — 16 руб.

Разве можно сравнить потери от плохой работы землекопа, вооруженного лопатой и тачкой, и потери от простоя современного шагающего экскаватора?

За последние годы в стране обострилась проблема трудовых ресурсов. Если в десятой пятилетке прирост трудоспособного населения был еще значительным, то в течение двух последующих пятилеток он будет гораздо меньшим. В этих условиях весь или почти весь прирост продукции должен быть получен не за счет привлечения в народное хозяйство новых трудовых ресурсов, а путем повышения производительности труда, экономии рабочего времени.

Сокращение потерь рабочего времени — важный резерв повышения эффективности общественного производства. Борьба с потерями

³ Аргументы и факты, 1983, № 35, с. 2.

⁴ Аргументы и факты, 1983, № 13, с. 3.

должна вестись постоянно и комплексно. Ее результаты зависят в конечном счете от каждого советского человека.

Велики потери рабочего времени из-за текучести кадров. Теряется, в частности, время на поиски нового места работы. По имеющимся данным, потери рабочего времени при самостоятельном трудоустройстве составляют в среднем 26—28 дней. Сокращению текучести кадров способствуют городские бюро по трудоустройству. Опыт показывает, что если для подбора нового места работы человек обращается в бюро, то перерыв в работе у него составляет лишь 10—12 дней. Значимость стабильности каждого коллектива, высокой закрепляемости кадров очевидна.

Выполняя принятое в 1980 г. постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС «О дальнейшем укреплении трудовой дисциплины и сокращении текучести кадров в народном хозяйстве», партийные, советские, хозяйственные органы, общественные организации провели определенную работу по наведению порядка на производстве и укреплению дисциплины труда.

В 1982 г. потери рабочего времени из-за внутрисменных простоев, прогулов и невыходов с разрешения администрации существенно уменьшились и в промышленности, и в строительстве по сравнению с 1979 г. Текучесть рабочих кадров за этот период также сократилась как в промышленности, так и в строительстве⁵.

Но несмотря на некоторое улучшение положения, в целом уровень дисциплины еще не отвечает современным требованиям и не может нас удовлетворить.

Ежегодно из-за простоев, прогулов, невыходов с разрешения администрации теряются десятки миллионов человеко-дней. Это равносильно тому, что в промышленности, строительстве ежедневно не работали десятки тысяч человек, а в результате народное хозяйство страны недополучает продукции на несколько миллиардов рублей. Велики потери из-за частых и необоснованных переходов людей с одного предприятия на другое.

Из-за текучести кадров, прогулов и опозданий на работу, нарушений трудовой дисциплины и общественного порядка в промышленности Узбекистана теряется значительное количество человеко-дней. Только из-за этого, например, промышленные предприятия Ташкентской области в 1982 г. недодали продукции на 25 млн. руб. Эти и другие недостатки отмечаются в работе индустрии г. Ташкента, Наманганской, Бухарской, Самаркандской областей. В Минстрое, Минсельстрое текучесть кадров составляет 10—12%, Госкомсельхозтехнике — 16, Госрыбхозе — 11%. Большая текучесть наблюдается и в строительных организациях Минхлопкопрома, Минсвязи, Минпищепрома и Минзага⁶.

На XVI пленуме ЦК КПУз отмечалось, что только в 1983 г. ущерб от прогулов, простоев и неявок с разрешения администрации составил в республике свыше 125 млн. руб.⁷

Все это говорит о наличии крупных резервов, которые непременно следует использовать в условиях напряженности в балансе трудовых ресурсов.

Особое значение имеет НОТ в условиях современной научно-технической революции, когда остро встают проблемы максимального использования достижений передовой техники и технологии, обеспечения планомерности и комплексности научной организации труда. Наиболее прочный успех в решении этой задачи достигается в тех коллективах, где обеспечена высокая дисциплина труда.

⁵ Аргументы и факты, 1983, № 35, с. 2.

⁶ О дальнейшем укреплении партийной, государственной и трудовой дисциплины. Постановление ЦК КП Узбекистана.— Партийная жизнь, 1983, № 2.

⁷ Правда Востока, 1984 г., 26 июня.

Партия всегда придавала большое значение воспитанию трудящихся в духе творческого отношения к делу. Это нашло свое отражение и в материалах XXVI съезда КПСС, где отмечалось, что укрепление ведущей роли рабочего класса связано с ростом его идейно-политической зрелости, образованности, профессиональной квалификации. Меняется и сам характер труда современного рабочего. Передовой рабочий сегодня — это человек, обладающий глубокими знаниями, широким культурным кругозором, сознательным и творческим отношением к труду, он чувствует себя хозяином производства, ответственным за все, что происходит в нашем обществе.

Творческое отношение к труду — это прежде всего проявление инициативы, энтузиазма в труде, ломка старых и установление новых норм самими производителями материальных благ, стремление к улучшению условий труда, строгое соблюдение трудовой дисциплины, постоянное повышение работником своего культурно-творческого уровня, внесение рационализаторских предложений и изобретений, борьба за максимальное использование внутренних резервов, улучшение качества продукции, экономию сырья, времени, материалов, энергии и т. д.

Укрепление дисциплины — не кратковременная кампания, а повседневная кропотливая работа, — говорится в материалах июньского, декабрьского (1983 г.), февральского, апрельского (1984 г.) Пленумов ЦК КПСС. И успех обеспечивается тогда, когда ее непосредственными участниками становятся не только администрация, а все трудящиеся, когда она опирается на их опыт, сознательность и гражданскую активность.

В нашей стране дисциплина труда базируется на глубоком понимании людьми своего долга, определяется их заботой об экономическом и оборонном могуществе Родины. Развивать эти патристические качества — прямая обязанность партийных организаций и идеологического актива. Очень важно, чтобы коммунисты, активисты массово-политической работы сами показывали образцы творческого отношения к делу, строго соблюдали трудовую дисциплину, мобилизуя общественное мнение против тех, кто работает недобросовестно, не бережет рабочее время. Именно на это нацеливают и решения XVI пленума КПУз. Умело используя могучую силу социалистического соревнования, указал пленум, партийные организации, их идеологические кадры должны добиваться, чтобы каждый производственный коллектив, каждый труженик стал решительным поборником высокой, сознательной дисциплины труда.

XVI пленум ЦК КПУз потребовал «повседневно, систематически вести кропотливую работу по утверждению на каждом участке, в каждом коллективе, по всей республике атмосферы высокой гражданственности и требовательности, бороться за всемерное укрепление социалистической дисциплины»⁸.

Советские люди умом и сердцем поддержали решения партии и активно трудятся над их практическим осуществлением. Труженики города и села уделяют все больше внимания состоянию трудовой дисциплины, ведут борьбу за ее укрепление. В многочисленных письмах в партийные органы, в редакции газет и журналов советские патриоты говорят об имеющихся резервах повышения эффективности производства и улучшения качества всей работы. Во многих письмах лейтмотивом проходит девиз: «Рабочее время — ударному труду!»

Высокая сознательность и ответственность за дела коллектива, судьбу планов и принятых социалистических обязательств, за выполнение заданий пятилетки свойственны советским людям.

«Пятилетка страны — пятилетка каждого», — заявил со страниц

⁸ Там же.

газеты «Правда Востока» знатный труженик завода «Ташсельмаш» Махмуд Муйдинов.

Завод приучил его к труду, дал интересную профессию. Здесь он стал коммунистом. На заводе Махмуд Муйдинов под руководством мастера Ахмада Касымова научился работать творчески, высокопроизводительно, не теряя напрасно рабочие минуты.

«Вопрос ставится так,— писал М. Муйдинов,— чтобы не пропадала ни одна рабочая минута, чтобы каждый человек работал творчески, с наибольшей отдачей сил».

Опыт плюс высокая ответственность — залог успеха личных производственных планов и обязательств. Воспитание такой ответственности крепко помогло бригаде М. Муйдинова, которая носит почетное звание «Бригада коммунистического труда». Каждый член ее понимает, что нерадивое отношение к труду одного отрицательно сказывается на работе соседа, всего коллектива.

Немало замечательных тружеников и целых коллективов, обеспечивающих высокую производительность труда, демонстрирующих образцы сознательной трудовой дисциплины, отмечены на XVI пленуме ЦК КПУз.

Борьба за укрепление социалистической трудовой дисциплины является не только важным фактором повышения эффективности труда, но и необходимым условием формирования и развития самого труженика как личности.

Характеризуя решающую роль экономики в построении социалистического общества, В. И. Ленин выделил два главных фактора ее роста: план и дисциплину. Планы он считал аккумулятивной волей трудящихся, а дисциплину — гвоздем всего хозяйственного строительства. Последовательное осуществление под руководством Коммунистической партии планов социально-экономического развития, строгая дисциплина в их исполнении вывели Советскую страну на рубежи зрелого социализма — высшего на сегодняшний день достижения исторического прогресса, человеческой цивилизации.

Экономика, созданная трудом всех поколений советских людей, руководимых ленинской партией, ее нынешние масштабы и возможности развития требуют дальнейшего усиления государственной, плановой и трудовой дисциплины. Речь идет прежде всего о повышении ответственности центральных плановых и хозяйственных органов, каждого производственного коллектива, каждого работника за неукоснительное выполнение государственных планов по всем показателям, за строгое соблюдение законов и других правовых норм, направленных на охрану и упрочение общественной собственности. Без должной дисциплины мы быстро вперед идти не сможем.

«...Говоря о планах на будущее, никогда нельзя забывать одну простую истину: чтобы лучше жить, надо лучше работать»⁹, — эти слова К. У. Черненко, сказанные им на встрече с избирателями Куйбышевского избирательного округа г. Москвы 2 марта 1984 г., глубоко запали в душу каждого труженика города и села.

Крепить дисциплину труда — значит делом отвечать на призывы партии, выполнять свой гражданский, патриотический долг, содействовать укреплению экономики и обороны Родины, упрочению материально-технической базы общества зрелого социализма, ускорению нашего движения вперед, к коммунизму.

⁹ Черненко К. У. Речь на встрече с избирателями Куйбышевского избирательного округа г. Москвы. — Правда, 1984 г., 3 марта.

К 60-летию УзССР и Компартии Узбекистана

Д. АЛЛАМУРАДОВ, Т. ИСКАНДАРОВ

**ОБРАЗОВАНИЕ УЗБЕКСКОЙ ССР
И УКРЕПЛЕНИЕ МЕСТНЫХ СОВЕТОВ**

Осуществленный в октябре 1924 г. исторический акт образования Узбекской ССР положил, по словам «всесоюзного старосты» М. И. Калинина, начало «государственному строительству новой Советской республики»¹.

Укрепляя государственный строй вновь созданной Узбекской республики, наша партия исходила из ленинского учения о Советах, указаний великого вождя о том, что «идея советской организации проста и может быть применяема не только к пролетарским, но и к крестьянским феодальным и полуфеодальным отношениям»².

В успешном развертывании государственного строительства в Советском Узбекистане огромную роль сыграли расширение, а главное — качественное улучшение сети местных Советов республики, прежде всего укрепление их социального состава, в котором непосредственно должны были реализоваться ленинские идеи о Союзе Серпа и Молота, непосредственном участии масс в управлении государством.

В условиях Узбекистана тех лет это была весьма актуальная и вместе с тем крайне сложная задача. Достаточно напомнить, что в районах, ранее входивших в состав Хорезмской и Бухарской республик, сельских Советов еще не было; в ряде районов шла еще борьба с остатками разгромленных басмаческих банд; многие органы Советской власти на местах были засорены байскими и прочими классово чуждыми элементами. Подавляющее большинство населения УзССР составляло тогда дехканство, и пролетарская, а тем более партийно-комсомольская прослойка среди депутатов низовых звеньев советского аппарата была весьма незначительной. Во многих местных Советах низок был удельный вес середняков и особенно женщин.

Все это тормозило фактическую советизацию узбекского кишлака, мешало местным Советам укрепить свои связи с массами, активно решать актуальные задачи социалистического преобразования Узбекистана и прежде всего сельского хозяйства республики, которая должна была стать главной хлопковой базой страны.

Поэтому Компартия Узбекистана, ее Центральный Комитет, руководствуясь указаниями ЦК ВКП(б) и его Средазбюро, обратили особое внимание на повсеместное создание и качественное улучшение местных Советов, их коренизацию, укрепление социального состава, очищение от классово чуждых элементов.

Уже I съезд Компартии Узбекистана (февраль 1925 г.) наметил «решительный поворот в сторону строительства местных органов соввласти, в первую голову в кишлаках и аулах, из трудовых дехкан, батраков и рабочих»³. Только так можно было вовлечь широкие массы в управление государством, обеспечить защиту их классовых интересов,

¹ ЦГА УзССР, ф. Р-86, оп. 1, д. 2384, л. 39.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 244—245.

³ Коммунистическая партия Узбекистана в резолюциях и постановлениях съездов. 2-е, доп. изд. Ташкент, 1968, с. 10.

на деле превратить Советы в могучее орудие строительства новой жизни. Съезд партии указал, что «в условиях Узбекистана, как преимущественно дехканской страны», эти задачи могут быть решены прежде всего «созданием в кишлаке настоящей Советской власти»⁴.

Огромное внимание уделил вопросам советского строительства II съезд Компартии Узбекистана (ноябрь 1925 г.), призвавший к решительной борьбе за оздоровление Советов, укрепление союза трудового дехканства с рабочим классом, вовлечение широких масс в управление страной. Сугубое значение придавалось вовлечению в состав Советов лучших представителей основного социального слоя кишлака — середняков⁵.

Мероприятия по укреплению социального состава местных Советов УзССР осуществлялись под лозунгами: «Основная работа в кишлаке — это укрепление Советов», «Баю, торговцу, мулле в Совете нет места» и т. д.

Уже состоявшиеся в конце 1925 г. пере выборы Советов дали положительные результаты. В Мирзачульском уезде Ташкентской области, например, было переизбрано 29 сельсоветов с 161 членом, из них батраков — 4, малоземельных — 125, середняков — 23, служащих — 8; в 7 волостных исполкомов избрано: батраков — 2, малоземельных — 41, середняков — 8, служащих — 3⁶.

В Самаркандской области состав обследованных сельсоветов Джамбайской волости был исключительно батрацко-середняцким. В Сурхандарьинской и Кашкадарьинской областях низовой советский аппарат был создан впервые⁷. В Сурхандарьинской области возникло 50 сельских Советов и 17 волостных исполкомов, а в Кашкадарьинской — 45 сельских Советов и 13 волостных исполкомов⁸. Социальное положение избранных в сельсоветы и волсполкомы было следующим: малоземельных дехкан — 28,1%, середняков — 34,1, батраков — 22,9%⁹.

На территории Зарафшанской области до 1925 г. в низовом аппарате Советов большинство составляли амины и аксакалы, не существовало никакой отчетности, советский аппарат был слабо связан с трудовыми массами кишлака. В результате выборов 1925 г. советский аппарат на местах очистился от социально чуждых элементов, подавляющее большинство его составили батраки, бедняки, середняки.

Много внимания уделялось коренизации Советов. В 1924 г., например, в числе 1662 работников центрального госаппарата республики был всего 141 узбек, или 9%¹⁰. В начале 1925 г. ЦИК Советов УзССР создал Центральную Комиссию по коренизации госаппарата республики. В областях были созданы областные комиссии, а во всех центральных государственных и хозяйственных учреждениях организованы бюро по коренизации. В 1925 г. центральные государственные и областные учреждения были коренизированы уже на 31%¹¹.

В Хорезмской области коренизация была осуществлена на 55, в Сурхандарьинской — на 41, Зарафшанской — на 39, Кашкадарьинской — на 36, Ташкентской — на 24, Самаркандской — на 22%¹², а в Ферганской области почти все делопроизводство было переведено на узбекский язык, за исключением Кокандского, Ферганского, Маргиланского и некоторых других горсоветов, которые вели делопроизводство и на русском языке¹³.

⁴ Там же, с. 18.

⁵ См. там же, с. 18—73, 109—115.

⁶ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 62, оп. 1, д. 229, л. 271.

⁷ Там же, л. 280.

⁸ Там же, оп. 21, д. 181, л. 28.

⁹ Там же, оп. 1, д. 605, л. 53.

¹⁰ Там же, оп. 21, д. 899, л. 21.

¹¹ ЦГА УзССР, ф. Р-86, оп. 1, д. 3135, л. 109.

¹² Там же.

¹³ Ферганский облгосархив, ф. 324, оп. 1, д. 89, л. 16.

В перевыборной кампании 1925 г. приняли активное участие середняки, малоземельные и батраки, составившие в целом по республике 30,8% всех избирателей. Женщины составили 7,1% общего числа избирателей¹⁴.

В результате перевыборов состав сельсоветов Узбекистана обновился в среднем на 79,4%. В сельсоветах увеличилось число батраков, малоземельных и середняков, причем середнячество составило 37% избранных¹⁵.

В волостных исполкомах (ВИК) наиболее значительную группу представляли малоземельные — 32,8%, затем батраки — 25,5%. Средняки составляли 26,6% общего числа избранных в ВИК¹⁶.

Беспартийных в сельсоветах было 84,4%, членов и кандидатов в члены партии — 12,2%, членов и кандидатов в члены комсомола — 3,4%¹⁷. Из 22 006 членов сельсоветов Узбекистана узбеки составляли 18 549 человек. В волисполкомах среди 1950 членов был 1601 узбек¹⁸.

Горсоветы УзССР обновились на 35,8%. Впервые были проведены перевыборы горсоветов в Ташкенте, Самарканде, Коканде. В составе горсоветов республики первое место заняли рабочие (30,5%), затем служащие (29,3%), середняки (9,3%), кустари и ремесленники (9,2%), малоземельные (6,7%), батраки, домохозяйки (3,1%), чайрикеры (2%) и прочие (учащиеся, красноармейцы — 2%)¹⁹. Члены и кандидаты в члены партии составляли 41,7%, члены и кандидаты ВЛКСМ — 6,6%²⁰.

Эти данные свидетельствуют о возросшей политической активности трудящихся города и деревни. Состав Советов стал классово выдержанным. Проведение выборов еще более укрепило советскую демократию, обеспечило представительство всех национальностей, проживающих на территории Узбекистана. II съезд КП(б)Уз дал в целом высокую оценку итогам первых в республике выборов в Советы²¹.

Дальнейшему укреплению Советской власти в Узбекистане, вовлечению трудящихся масс коренных национальностей, особенно середняков, в советское строительство способствовала перевыборная кампания 1926 г.

Перевыборы Советов совпали с земельно-водной реформой, и агиткампания проходила под лозунгом: «Если хочешь земреформы, выбирай в Совет батраков, бедняков и середняков — дехкан!»

В предвыборный период была проведена массовая агитационно-пропагандистская работа. Только по Ферганской области было сделано 3 тыс. докладов, отпечатаны и распространены в районах 75 тыс. различных лозунгов, листовок, плакатов, воззваний. В области состоялось 13 бедняцких собраний²².

По Ташкентской области было проведено 250 бедняцких собраний, на которых присутствовало до 30 тыс. человек²³.

В районах Кашкадарьи в агиткампании приняли участие 66 067 человек, из них 3027 женщин²⁴. Всего было проведено 400 собраний, на которых заслушан 1921 доклад²⁵. Аналогичные мероприятия проводились и в других областях.

Социальный состав вновь избранных сельсоветов был следующим (%):

¹⁴ ЦГА УзССР, ф. Р-86, оп. 1, д. 3135, л. 146.

¹⁵ Там же, д. 3105, л. 73.

¹⁶ Там же, л. 47.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же, л. 73.

¹⁹ Там же, д. 3135, л. 148.

²⁰ Там же, д. 3105, л. 74.

²¹ См.: Коммунистическая партия Узбекистана в резолюциях..., с. 109—110.

²² ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 27, д. 311, л. 101.

²³ Там же, л. 139.

²⁴ Там же, д. 181, л. 224.

²⁵ Там же.

<i>Область</i>	<i>Средняки</i>	<i>Малоземельные</i>	<i>Батраки</i>	<i>Прочие</i>
Ферганская	27,0	41,0	30,0	2,0
Ташкентская	36,5	26,4	27,0	10,1
Самаркандская	28,8	26,2	12,5	1,6
Кашкадарьинская	36,5	40,3	31,0	3,4
Сурхандарьинская	34,1	26,0	36,1	3,8 ²⁶

Общественно-политическая активность трудящихся в 1926 г. значительно возросла. Об этом свидетельствует тот факт, что в выборах участвовало 46,3% населения, из них 12,8% составили женщины²⁷. Если взять абсолютные цифры, то в 1926 г. их участвовало 127 тыс., тогда как в 1925 г. — лишь 50 тыс.²⁸

В выборах участвовало 58% батраков, бедняков и малоземельных. Именно они являлись опорой Советской власти на селе.

Состав сельсоветов значительно обновился: по Ферганской области — на 63,4%, по Самаркандской — на 50, по Кашкадарьинской — на 31, по Ташкентской области — на 82,4%²⁹.

В результате выборов значительно улучшилась деятельность волостных исполкомов. Из 18 639 вновь избранных по Узбекистану членов волисполкомов середняков было 5575, или 29,9%, остальные 13 064, или 70,1%, были из батраков и малоземельных³⁰.

Члены партии и комсомольцы в волостных исполкомах составили по Узбекистану 41,6%, а в отдельных областях — до 58,6%³¹. Столь высокий процент коммунистов и комсомольцев объясняется возросшей ролью партии в кишлаке, особенно в связи с проведением земельно-водной реформы.

Национальный состав членов волисполкомов выглядел таким образом (%):

<i>Область</i>	<i>Узбеки</i>	<i>Таджики</i>	<i>Киргизы</i>	<i>Туркмены</i>	<i>Прочие</i>
Ферганская	87,0	9,0	2,5	—	1,5
Ташкентская	67,9	2,9	14,9	—	14,8
Кашкадарьинская	84,9	6,9	—	—	8,2
Сурхандарьинская	80,2	13,1	0,7	3,1	3,1 ³²

В итоге выборов 1926 г. узбеки составили 82,5% всех избранных по республике членов сельсоветов³³.

Перевыборы местных Советов укрепили и оживили советское строительство в Узбекистане. Можно сказать, что они были проведены в форме такой же ударной кампании, как земельная реформа, раскрепощение женщин Узбекистана и другие революционные преобразования. В республике успешно создается единая советская система, низовой аппарат Советской власти очищается от пробравшихся в него классово чуждых элементов.

Выборы способствовали дальнейшей коренизации советского аппарата в центре и на местах. Так претворялись в жизнь задачи, поставленные I и II съездами Компартии Узбекистана.

В дальнейшем укреплении советского аппарата, приближении его к широким массам, повышении роли местных Советов под руководством партии в строительстве социализма большую роль сыграло экономическое и административное районирование Узбекской ССР 1926 г., в проведении которого активно участвовали и местные Советы. Они занимались статистическим обследованием волостей и уездов, разъясняли населению значение районирования, привлекали трудящихся, их актив к практическому решению вопросов, связанных с районированием.

²⁶ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 62, оп. 1, д. 611, л. 2.

²⁷ ЦГА УзССР, ф. Р-86, оп. 1, д. 4025, л. 138.

²⁸ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 28, д. 211, л. 31.

²⁹ ЦГА УзССР, ф. Р-86, оп. 1, д. 4025, л. 138.

³⁰ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 62, оп. 1, д. 611, л. 2.

³¹ Там же, л. 7.

³² Там же, л. 2.

³³ ЦГА УзССР, ф. Р-86, оп. 1, д. 4025, л. 140.

Районирование позволяло: 1) ликвидировать уезды, укрепить сельские Советы и значительно сократить их штаты; 2) приблизить аппарат управления к населению; 3) высвободить значительные денежные средства благодаря сокращению целой армии платных сотрудников и использовать их в хозяйственно-культурном строительстве; 4) подвести материальную базу под низовое советское строительство за счет самостоятельного районного бюджета, установить контроль над расходованием средств и т. д.³⁴

Проект Центральной Комиссии по районированию при ЦИК Советов республики обсуждался среди населения. Дехкане также внесли в него соответствующие коррективы, после чего он был рассмотрен и утвержден V сессией ЦИК Советов Узбекской ССР 26 сентября 1926 г.

Таким образом, дехканское население приняло активное участие в районировании республики. Проект его находился в центре внимания 2 тыс. собраний, на которых присутствовало 250 тыс. дехкан³⁵.

Проект предусматривал создание вместо 7 областей 10 округов, вместо 23 уездов и 239 волостей — 87 районов с правами уезда, вместо 1152 сельских Советов — 1749 с расширенными правами. Изменилось и количество членов сельсоветов: с 22 460 оно возросло до 30 342³⁶.

Ранее в республике существовали областные, уездные, волостные и сельские Советы и ЦИК Советов республики, т. е. четырехзвенная система местного административного управления. Районирование заменило ее трехзвенной системой — сельский Совет, райисполком, окрисполком и ЦИК Советов республики. Теперь район стал подлинным центром всей хозяйственной и культурной жизни на местах.

В ноябре 1927 г. состоялся III съезд Компартии Узбекистана. В своих решениях он особо отметил укрепление, оздоровление и оживление советского аппарата, привлечение к работе в нем широких слоев коренного трудового населения, в том числе рабочих, батраков, середняков, женщин, подчеркнув, что в этом деле большую роль сыграли пере выборы Советов в 1925—1926 гг.³⁷

Вместе с тем съезд указал на необходимость еще большего усиления коренизации советского аппарата, полного очищения всех его звеньев от классово чуждых и примазавшихся элементов, еще более широкого вовлечения в Советы рабочих, трудового дехканства и женщин³⁸. Особое внимание было уделено оживлению деятельности сельских Советов³⁹.

Дальнейшему укреплению местных Советов способствовали выборы 1927 г. В них участвовало почти 800 тыс. человек, в том числе рабочих — 67 тыс., батраков — 123 785, чайрикеров — 76 857, малоземельных — 290 362, середняков — 169 965, кустарей — 7995, служащих — 4736, домохозяек — 117 933, учащихся — 3362, военнослужащих — 718 человек⁴⁰.

В выборах участвовало 200 тыс. женщин (123 тыс. в селах и 67 тыс. в городах). Избрано 4 тыс. женщин, из них 30 стали председателями сельсоветов.

Если в 1926 г. в выборах в сельсоветы участвовало 2706 членов партии, то в 1927 г. — 3521, комсомольцев в 1926 г. — 766, в 1927 г. — уже 1944 человека⁴¹.

О социальном составе районных исполкомов можно судить по следующим данным: всего было избрано 1233 человека, из них рабочих — 62, батраков — 51, чайрикеров — 39, малоземельных — 389, се-

³⁴ Ферганский облгосархив, ф. 121, оп. 2, д. 588, л. 8, 9.

³⁵ ЦГА УзССР, ф. Р-86, оп. 1, д. 5049, л. 3.

³⁶ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 27, д. 7, л. 6.

³⁷ См.: Коммунистическая партия Узбекистана в резолюциях..., с. 173.

³⁸ См. там же, с. 174—175.

³⁹ Там же, с. 202.

⁴⁰ ЦГА УзССР, ф. Р-86, оп. 1, д. 4014, л. 61.

⁴¹ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 27, д. 7, л. 7.

редняков — 216, кустарей — 10, служащих — 291 и др.⁴². Как видно, в райисполкомы малоземельные и батраческие слои были вовлечены гораздо шире, а в горсоветы вошло много рабочих от станка.

Большинство депутатов городских, районных и сельских Советов Узбекистана составили лица местных национальностей.

Таким образом, выборы 1925—1927 гг. и районирование УзССР 1926 г. значительно укрепили местные органы Советской власти, положительно отразились на их социальном составе, способствовали очищению Советов от классово чуждых элементов, усилили связь их с массами трудящихся города и села, повысили роль Советов Узбекистана под руководством Коммунистической партии в борьбе за победу социализма в нашей стране.

С тех пор прошло почти шесть десятилетий. Героическими усилиями партии и народа в СССР построено зрелое социалистическое общество. Советское государство стало общенародным. Неизмеримо окреп его низовой аппарат — местные Советы. Принятие новых Конституций СССР, союзных и автономных республик, специальных законов о Советах развило далее демократические принципы их формирования и деятельности. Возрос авторитет Советов, расширились полномочия депутатов, укрепились их связи с массами.

Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко в речи на апрельском (1984 г.) Пленуме ЦК КПСС отметил, что «В. И. Ленин поставил задачу превратить Советы в такие органы государственного руководства, которые работали бы не только для трудящихся, но и через трудящихся. Ныне с полным правом можно сказать, что задача эта в основном решена, 2 миллиона 300 тысяч депутатов, представителей рабочих, трудящихся всех наций и народностей, десятки миллионов активистов — вот через кого ведутся у нас дела государства»⁴³.

В решениях Пленума особо отмечена роль Советов на всех этапах социалистического строительства, дан новый импульс укреплению связей Советов с массами, развитию творческой инициативы и активности самих трудящихся в органах своей власти. Этому способствовали и решения первой сессии Верховного Совета СССР XI созыва. Много внимания вопросам советского строительства, всемерного улучшения деятельности Советов республики уделили XVI пленум ЦК КПУз и 10-я сессия Верховного Совета УзССР X созыва.

В Узбекистане в настоящее время, как и во всей стране, Советы располагают огромными возможностями для всесторонней, плодотворной деятельности. 1250 кишлачных и поселковых Советов объединяют 69 тыс. народных избранников⁴⁴. Они принимают и реализуют конкретные решения по важнейшим вопросам хозяйственной, общественной, культурной жизни на местах.

Повышение роли Советов на современном этапе имеет особое значение в решении актуальных задач, стоящих перед партией и народом. Именно при их помощи широкие народные массы привлекаются «к постоянному и непрерывному, притом решающему, участию в демократическом управлении государством»⁴⁵.

Руководствуясь ленинским учением о Советах, КПСС и Советское государство в ходе совершенствования зрелого социализма постоянно проявляют заботу о всемерном развитии политической системы советского общества, все более полном проявлении общенародного характера Советского государства, выступающего под руководством КПСС могучим орудием в борьбе за победу коммунизма в нашей стране.

⁴² ЦГА УзССР, ф. Р-86, оп. 1, д. 4014, л. 63.

⁴³ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС. 10 апреля 1984 года. М., 1984, с. 6.

⁴⁴ Правда Востока, 1984 г., 16 мая.

⁴⁵ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 37, с. 500.

Ш. Г. ГИЯСОВ

К МЕТОДИКЕ АНАЛИЗА УРОВНЯ МЕХАНИЗАЦИИ ТРУДА НА ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ

В современных условиях мощный экономический потенциал страны позволяет ставить и решать крупные народнохозяйственные задачи всемерной механизации производства, перехода к комплексной механизации и автоматизации производственных процессов и значительного улучшения на этой основе условий труда, повышения его содержательности.

Дальнейшее сокращение тяжелого ручного, неквалифицированного и малоквалифицированного труда, улучшение условий труда — одно из важнейших направлений широкой программы социальных мероприятий, намеченных XXVI съездом КПСС. В утвержденных съездом «Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года» поставлена задача — предусмотреть «создание наиболее благоприятных условий для высокопроизводительного труда, усиления его творческого характера; всемерное сокращение ручного, малоквалифицированного и тяжелого физического труда; улучшение охраны труда и техники безопасности...»¹

Проблема сокращения применения ручного труда обретает особую актуальность потому, что ныне оно становится самым крупным резервом высвобождения рабочей силы в то время, как в стране в силу ряда объективных и субъективных моментов сложился и на ближайшую перспективу сохранится напряженный баланс трудовых ресурсов. Во-первых, это вызвано демографическими факторами (снижение рождаемости, отдаленные последствия войны и т. д.); во-вторых, почти полностью исчерпан такой источник восполнения трудовых ресурсов, как трудоспособное население, занятое в личном подсобном хозяйстве; в-третьих, растет доля молодежи, занятой на учебе с отрывом от производства. Так, в целом по народному хозяйству прирост численности рабочих и служащих уменьшился с 24% в 1961—1965 гг. до 17% в 1966—1970 гг. и 13% в 1971—1976 гг. Значительно сократился прирост численности рабочих и служащих за счет сельского населения: с 3,1 млн. человек в 1961—1965 гг. до 1,5 млн. человек в 1971—1975 гг.² Ныне эти резервы, особенно с учетом половозрастной структуры рабочей силы, также по существу уже использованы.

Довольно широкое еще применение тяжелого ручного труда обусловлено недостаточно интенсивным внедрением средств механизации, медленными темпами обновления оборудования и технологии производства. Это серьезное препятствие на пути интенсификации общественного производства, роста производительности труда, преодоления противоречия между постоянным повышением общеобразовательного и культурного уровня трудящихся и содержанием тяжелого физического труда, а также возрастающего разрыва между потребностью народного хозяйства в рабочей силе и источниками их обеспечения. Поэтому процесс сокращения неквалифицированного ручного труда (СНРТ)

¹ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 176.

² Система управления трудом в развитом социалистическом обществе. М., 1980, с. 58.

выступает как объективная необходимость современного этапа развития социалистической экономики и составная часть общей закономерности развития научно-технического прогресса.

Сокращение ручного труда, устранение социально-экономических различий в труде — важные элементы социальной программы, осуществляемой КПСС и Советским государством. Ст. 21 Конституции СССР гласит: «Государство заботится об улучшении условий и охране труда, его научной организации, о сокращении, а в дальнейшем и полном вытеснении тяжелого физического труда на основе комплексной механизации и автоматизации производственных процессов во всех отраслях народного хозяйства»³.

В этой связи приобретает большое теоретическое и практическое значение рассмотрение сущности процесса СНРТ как объективной закономерности развития социалистического производства. В основе исследования ее лежит необходимость классификации труда по его содержанию. Это связано, с одной стороны, с потребностями изучения реальной структуры трудовых ресурсов страны, перспектив подготовки кадров, объема необходимых общеобразовательных и технических знаний будущих работников, а с другой, — с задачами анализа социальной структуры рабочего класса.

Первоначальный этап разработки конкретных мероприятий по СНРТ должен основываться на изучении существующего уровня механизации труда на промышленных предприятиях. Для определения его и сопоставления с планируемым уровнем необходимы соответствующие показатели, характеризующие этот уровень.

В экономической литературе существует несколько точек зрения по данному вопросу. Так, Я. Б. Кваша для изучения уровня механизации принимает за объект исследования рабочего. Затем исследует тип орудия, которым он воздействует на предмет труда. «Выяснив это, — заключает автор, — мы получим возможность распределить всех работающих в группы, различающиеся по признаку механизации»⁴.

На наш взгляд, наиболее приемлем именно такой подход, т. е. использование показателей, при расчете которых за объект исследования принимается рабочий. Преимущество таких показателей признают многие авторы⁵, отмечая, что это дает возможность при анализе уровня механизации и автоматизации производства учитывать и социальные факторы, определяющие содержание труда рабочего, благоприятные условия для производительной работы.

Эти показатели можно определить с использованием Методики укрупненного определения уровня механизации и автоматизации производственных процессов в машиностроении⁶, согласно которой уровень механизации и автоматизации производства определяется по следующим показателям.

Степень охвата рабочих механизированным трудом:

$$C_m = \frac{P_m}{P} \cdot 100\%,$$

где: P_m — число рабочих, выполняющих работу механизированным способом;

P — общее число рабочих на участке (цехе).

Уровень механизированного труда в общих трудовых затратах:

$$U_{MT} = \frac{P_a \cdot K}{P} \cdot 100\%,$$

³ Конституция (Основной Закон) СССР. М., 1978, с. 12.

⁴ Кваша Я. Б. Статистическое изучение механизации труда. М., 1959, с. 132.

⁵ См.: Малев В. И., Фатюха Л. К. Сокращение ручного труда в промышленности (Опыт предприятий Запорожской области). М., 1980, с. 72; Чумаченко С. Г. Проблемы сокращения ручного труда в промышленности. Киев, 1982, с. 159, и др.

⁶ Методика укрупненного определения уровня механизации и автоматизации производственных процессов в машиностроении. М., 1962.

где: P_a — число рабочих по всем сменам, занятых механизированным трудом;

k — коэффициент, выражающий отношение времени механизированного труда к общим затратам времени на рабочем месте.

Уровень механизации и автоматизации производственных процессов:

$$У_{п} = \frac{P_a \cdot K \cdot M \cdot П}{P_a \cdot K \cdot M \cdot П + P \left(1 - \frac{У_{мт}}{100}\right)} \cdot 100\%,$$

где: M — коэффициент многостаночного обслуживания;

$П$ — коэффициент производительности оборудования.

Говоря о достоинствах данной методики, необходимо отметить и некоторые ее недостатки. Показатели, учитывающие уровень механизации производственных процессов, требуют дальнейшего совершенствования, их дифференциации в плане учета качественной стороны используемых механизмов и оборудования и их влияния на трудовой процесс в целом. Это — повышение удовлетворенности трудом, присутствием элементов творчества и разнообразия в процессе труда.

Такой методологический подход имеет не только теоретическое, но и важное практическое значение. Он учитывает объективную необходимость ориентации в процессе СНРТ на конечные результаты не только экономического и организационно-технического плана, но и социального характера.

Наиболее правильное решение данной проблемы — разработка системы показателей, отражающих процесс СНРТ как явление комплексное. Практика подтверждает, что явления и процессы, в том числе экономические, невозможно всесторонне отразить в каком-либо одном или нескольких общих показателях. Поэтому использование системы показателей становится объективной необходимостью научного экономического анализа многих сторон общественного производства.

В связи с включением в состав директивно планируемых для отраслей и промышленных предприятий показателей задания по сокращению применения ручного труда особого внимания заслуживает вопрос объективности определения контрольных цифр по сокращению ручного труда, доводимых до отраслей и предприятий. Решение этой задачи должно найти отражение в разрабатываемых и реализуемых в отраслях народного хозяйства целевых комплексных программах сокращения ручного труда. В основу их должны быть положены показатели организационно-технического уровня, а также источники и объемы ресурсов, выделяемых на их реализацию.

В практике планирования возникает необходимость изучения динамики механизации труда на отдельных предприятиях. Учитывая, что приведенный выше показатель степени охвата рабочих механизированным трудом не обеспечивает сопоставимость используемых при расчете данных на основе изменения численности рабочих по плановым периодам и высвобождения рабочих в результате механизации, некоторые авторы предлагают рассчитывать степень охвата рабочих механизированным трудом в плановом периоде по следующей формуле⁷:

$$С_{мп} = \frac{P_{п. С_{мб}} + P_{м} + P_{в}}{P_{п} + P_{в}} \cdot 100\%,$$

где: $С_{мп}$ — степень охвата рабочих механизированным трудом в плановом периоде (%);

$P_{п}$ — численность рабочих в плановом периоде;

$С_{мб}$ — степень охвата рабочих, планируемая для перевода на

⁷ См.: Малев В. И., Фатюха Л. К. Сокращение ручного труда..., с. 11.

механизированный труд (человек);

R_v — численность рабочих, высвобождаемых в результате механизации труда (человек).

Данный показатель является условным, однако рекомендован для установления длительных нормативов по повышению уровня механизации труда.

В последнее время в экономической литературе делаются попытки найти синтезированный показатель, который одновременно учитывал бы и степень механизации, и тяжесть труда. На практике это представляется весьма сложным. Показатели тяжести труда, которые разрабатываются НИИ труда, следует самостоятельно устанавливать предприятиям в планах социального развития. Тяжесть труда на рабочем месте приблизительно можно рассчитать через следующий коэффициент:

$$K_{трм} = \frac{T_y}{T_o},$$

где: $K_{трм}$ — коэффициент тяжести труда на рабочем месте;

T_y — среднее время усиленной физической нагрузки;

T_o — общее рабочее время на данном рабочем месте.

Показатели уровня механизации должны дать четкий ответ на два вопроса: в какой степени рабочие используют технические средства и каковы качественные характеристики применяемой техники? Как показано выше, этот показатель определяется как отношение численности рабочих, выполняющих работу механизированным способом, к общей численности рабочих.

Расчет данного показателя ведется на основе классификации рабочих, осуществляемой по пяти группам, согласно методике ЦСУ СССР. Такая классификация наиболее приемлема для анализа уровня механизации труда, хотя и не лишена недостатков.

Согласно этой методике, к первой группе относятся рабочие, выполняющие работу при помощи автоматов и автоматизированных агрегатов, аппаратов и установок. Вторая группа — рабочие, выполняющие работу при помощи машин, станков, механизмов, а также механизированных приспособлений, инструментов, приборов и агрегатов, приводимых в движение электрическими, механическими и другими приводами (станочники, аппаратчики, машинисты и др.). Отношение численности рабочих этих двух групп к общей численности рабочих характеризует уровень механизации.

Рабочие остальных трех групп распределяются по видам ручного труда. Третья группа — рабочие, выполняющие работу вручную при машинах и механизмах, но не по управлению и не по наблюдению за ними. К ним относятся рабочие, выполняющие только функции обслуживания машин и механизмов (рабочие, осуществляющие ручную загрузку машин, выгрузку готовой продукции, строгальщики, таке-лажники и т. д.). Четвертая группа — рабочие, выполняющие работу при помощи простейших орудий труда (лопата, молоток, лом и т. д.), без применения каких-либо машин и механизмов. Особо стоит выделить пятую группу рабочих, осуществляющих ремонт и наладку машин и механизмов. На наш взгляд, остается еще спорным отнесение этой категории к группе рабочих ручного труда.

Главный недостаток указанного метода измерения уровня механизации по числу рабочих, занятых механизированным трудом, состоит в том, что в ряде случаев он может исказить действительное положение дел. Например, внедрение новой, более производительной автоматической линии будет сопровождаться уменьшением численности рабочих-станочников, занятых механизированным трудом, и ростом количества выполняющих работу вручную — наладчиков и ремонтных рабочих автоматической линии, труд которых требует высокой квалификации и включает в себя элементы творчества, разнообразия и ло-

гического анализа. Между тем, говоря о сокращении ручного труда, мы имеем в виду труд физически тяжелый, монотонный, неквалифицированный, лишенный элементов творчества.

Таким образом, одно из условий успешного осуществления мероприятий по сокращению затрат ручного труда — оценка уровня механизации труда. Объективные данные, характеризующие уровень механизации труда в отрасли, на предприятии, в цехе, на производственном участке, весьма необходимы. Однако принятые ныне способы отнесения труда к механизированному и ручному требуют дальнейшего совершенствования. Так, в группу выполняющих работу механизированным способом включены рабочие, управляющие машинами, и рабочие, применяющие усовершенствованный инструмент, хотя это, в свою очередь, вовсе не исключает значительных затрат ручного труда. Есть сложность и в отнесении работ к той или иной категории по тяжести труда при классификации их по условиям труда.

Важной задачей является разработка необходимой нормативной базы, отсутствие которой в определенной мере тормозит развертывание работ по сокращению ручного труда. Как показывает опыт передовых предприятий Латвийской ССР, Запорожской, Челябинской и других областей, кардинальное решение этой проблемы может быть обеспечено лишь при внедрении целого комплекса технических, организационных и социально-экономических мероприятий.

Ш. Ф. Гийсов

**САНОАТ КОРХОНАЛАРИДА МЕҲНАТНИ МЕХАНИЗАЦИЯЛАШ
ДАРАЖАСИНИ ТАҲЛИЛ ҚИЛИШ МЕТОДИКАСИГА ДОИР**

Мақола саноат маҳсулотлари ишлаб чиқиш билан муҳим назарий ва амалий муносабатга бўлган меҳнатни механизациялаш даражасини белгилаш методикаси муаммосига бағишланган.

А. Н. ТИХОНОВ, А. П. ХОДЖИЕВ

**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ В УЗБЕКИСТАНЕ
РУССКОГО ЯЗЫКА КАК СРЕДСТВА
МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ**

В нашей многонациональной стране, как известно, основным видом двуязычия является национально-русское двуязычие. Это значит, что подавляющее большинство представителей коренных национальностей наряду со своим родным языком владеют и русским в такой степени, что могут достаточно свободно выражать свои мысли и понимать других.

За последние десятилетия в области развития узбекско-русского двуязычия также произошли значительные изменения. В 1970 г. свободно владели русским языком в качестве второго языка лишь 14,5% узбеков, тогда как коренное население других союзных республик имело более высокие показатели свободного владения русским языком (белорусы — 49,0%, латыши — 45,2, казахи — 41,8% и др.).

По данным же переписи населения 1979 г., узбеки, свободно владеющие русским языком, составили уже 49,3%. Столь высокий темп роста удельного веса лиц узбекской национальности, свободно владеющих русским языком, объясняется прежде всего тем, что в республике уделяется большое внимание распространению русского языка, повышению качества преподавания его во всех звеньях народного образования; создаются благоприятные условия для того, чтобы русский язык плодотворно выполнял свою историческую миссию средства сближения народов, укрепления дружбы между ними.

Одно из важнейших направлений изучения проблемы «Русский язык как средство межнационального общения в Узбекистане» — всестороннее исследование сложного механизма узбекско-русского двуязычия, которое активно развивается в таких сферах общения, как правительственные и административные учреждения, партийные, профсоюзные, комсомольские и другие общественные организации; судебно-правовые учреждения и милиция; всесоюзные стройки; промышленные предприятия, научные учреждения; печать, радио, телевидение; торговля и бытовое обслуживание; лечебные и санаторные учреждения; транспорт и связь. Все эти сферы должны стать объектом всестороннего изучения с точки зрения социолингвистической, лингвистической, историко-лингвистической, так как именно в них происходит конкретное функционирование русского языка как средства межнационального общения.

Между тем нам мало что известно о том, что функционирует русский язык в этих сферах общения в условиях республики; как распределены в них функции русского и узбекского языков, поскольку во многих сферах общения они применяются параллельно; какова реальная социальная потребность в русском языке как средстве межнационального общения и каковы объективные социальные возможности расширения общественных функций русского языка в различных сферах общения, имеется ли для этого необходимая лингвистическая база (степень владения русским языком).

Исследование этих проблем затрагивает массу социально-политических вопросов, решение которых требует всестороннего обоснования, правильного истолкования и не терпит поспешных выводов, а также рекомендаций, не опирающихся на тщательный анализ конкретных условий функционирования русского языка. Нельзя забывать о том, что «национально-русское двуязычие распространяется на основе равноправия всех других языков страны, возведенного в ранг конституционной нормы. Языковая политика КПСС и Советского государства преследует цель обеспечить максимально благоприятные условия как для развития национальных языков, так и для распространения русского языка и формирования на этой основе национально-русского двуязычия. Правильное понимание роли двуязычия и роли русского языка в нашем многонациональном государстве, безусловно, содействует распространению, изучению и преподаванию языка межнационального общения»¹.

В первую очередь, необходимо провести социолингвистическое исследование, для начала хотя бы наиболее важных, общественно значимых сфер общения, чтобы определить, какова в них степень распространения русского языка; какие общественные функции и как выполняет русский язык параллельно с узбекским языком; в каких случаях применяется только узбекский или только русский язык; какова социальная потребность в расширении тех или иных общественных функций русского языка.

К числу важнейших задач относится лингвистическое описание русского языка в различных сферах общения, ибо каждая сфера характеризуется своими языковыми особенностями, имеет свою лексико-фразеологическую базу. В ней используются строго определенные семантические, грамматические и стилистические потенции русского языка. Узбекско-русское двуязычие в различных сферах общения строится на определенном минимуме языковых средств, навыков и умений пользоваться ими, которые только и позволяют говорить о двуязычии. Поэтому если мы хотим совершенствовать двуязычие, обеспечить более ускоренное его развитие, то надо прежде всего разобрать-

¹ Федосеев П. Теоретические проблемы развития и сближения наций.— Коммунист, 1980, № 1, с. 69.

ся в его лингвистическом механизме и разрабатывать вполне конкретные и лингвистически грамотные рекомендации.

Полная лингвистическая характеристика каждой сферы общения — вот единственно приемлемый путь, по которому следует идти в изучении узбекско-русского двуязычия. В качестве образца, например, можно избрать крупное промышленное предприятие с характерным национально-русским двуязычием, разработать методику сбора материала, организовать полное обследование этой сферы общения. Создав модель описания одной сферы общения, следует приступить к изучению других сфер в порядке их общественной значимости.

В круг вопросов, связанных с функционированием русского языка в различных сферах общения в условиях узбекско-русского двуязычия, входят: определение понятия «сфера общения»; сфера общения и подсистема языка (для каждой сферы общения характерен свой подъязык); выявление и описание ее основных (определяющих) социальных и лингвистических характеристик; изучение лингвистических особенностей каждой сферы общения, включая: исследование лексико-семантической и словообразовательной базы различных сфер общения, определение наиболее характерных для них грамматических конструкций, изучение их грамматической структуры, стилистическую характеристику сфер общения (неодинакова связь различных сфер общения с теми или иными функциональными стилями русского языка). В различных сферах общения неодинаково используются устная и письменная форма языка.

Особого внимания требуют: распределение общественных функций русского и узбекского языков в различных сферах общения, степень распространения в них русского языка; рост общественной потребности в русском языке и ее удовлетворение в конкретных условиях общения; перспективы развития общественных функций русского языка как средства межнационального общения; разработка принципов языкового планирования в свете марксистско-ленинской теории наций; критика буржуазных теорий, искажающих языковую политику КПСС; сущность социалистического языкового планирования; роль русского языка как средства межнационального общения.

При изучении функционирования русского языка в различных сферах общения возникает множество конкретных, более частных вопросов, которые тесно связаны с решением основных теоретических проблем и важных практических задач. Так, при исследовании лексико-семантической системы необходимо определить границы базовой лексики, активной и пассивной лексики в каждой сфере общения, соотношение общеупотребительной и профессиональной лексики, особенности профессиональной лексики. Важно выявить фразеологические фонды различных сфер общения и выделить фразеологические средства, актуальные для каждой сферы общения; выявить и охарактеризовать общий для русского и узбекского языков лексико-фразеологический фонд, определить его роль в развитии узбекско-русского двуязычия, пути и резервы пополнения, основные тенденции в формировании общего для русского и узбекского языков лексико-фразеологического фонда.

Таким образом, изучение русского языка как средства межнационального общения предполагает исследование конкретных социальных условий функционирования его в республике, характеристику его общественных функций, описание всего лингвистического механизма узбекско-русского двуязычия в его рабочем состоянии — во взаимодействии с узбекским языком.

Лингвистическая природа узбекско-русского двуязычия не может быть раскрыта без выявления и характеристики конкретных каналов взаимодействия, взаимовлияния и взаимообогащения русского и узбекского языков. Русский язык выполняет свою функцию средства межнационального общения только в тесном контакте с узбекским

языком — с его помощью, опираясь на него, находясь под его сильным влиянием. Ведущим в процессе формирования и укрепления узбекско-русского двуязычия является узбекский язык. Прочное и глубокое двуязычие у билингов формируется только на базе родного языка, с опорой на него. В этом нет ничего удивительного: для билинга первичным является его родной язык. Все элементы русского языка, вся его система воспринимаются им непременно сквозь призму родного языка. Вот почему в изучении русского языка как средства межнационального общения исключительно важную роль играет тщательное исследование лингвистических особенностей взаимодействия его с узбекским языком. Здесь, с одной стороны, выявляются факторы, явно благоприятствующие выполнению русским языком его исторической миссии, а с другой, — обнаруживаются явления, которые создают различные препятствия в освоении русского языка (трансференция, интерференция и т. п.) и, стало быть, мешают его распространению.

Взаимодействие и взаимовлияние русского и узбекского языков имеют два аспекта изучения: влияние русского языка на узбекский язык и наоборот. Первый аспект относится к компетенции специалистов по узбекскому языку, так как в этом случае изучаются структура и система узбекского языка, изменения в его лексико-фразеологической, фонологической, словообразовательной системах и грамматическом строе, которые происходят под влиянием русского языка. Второй аспект является объектом русистики: здесь исследуются система русского языка, процессы, происходящие на различных уровнях его структуры под влиянием узбекского языка.

Наше языкознание располагает лишь весьма поверхностными наблюдениями над процессами взаимодействия и взаимообогащения русского и узбекского языков, которые связаны главным образом с лексико-семантическим, фразеологическим, фонологическим, отчасти словообразовательным и синтаксическим уровнями. Они сделаны преимущественно на материале текстов и вовсе не коснулись основного источника — живой разговорной речи билингов. Причем изучению подвергалось больше всего влияние русского языка на узбекский язык. Здесь у нас имеются определенные успехи как в теории, так и в практическом применении собранного материала, например в лексикографической разработке русских заимствований в двуязычных словарях.

Влияние же узбекского языка на русский еще почти не изучено². Поэтому первостепенная задача, стоящая перед русистами, занятыми изучением вопросов узбекско-русского двуязычия, — это исследование особенностей влияния узбекского языка на русский.

Изучать разнообразие изменений, происходящие в системе русского языка под влиянием узбекского, целесообразно по уровням. В области лексики подлежат изучению: характер и специфика влияния узбекского языка на русский; тематические и лексико-семантические группы заимствований из узбекского языка; процессы семантической, фонетической, словообразовательной, морфологической адаптации узбекских слов к нормам русского языка; лексические и семантические кальки из узбекского языка в русском; обогащение русской ономастики (антропонимики, топонимики, гидронимики и т. д.) за счет узбекского языка; окказионализмы — заимствования из узбекского языка в русском; процессы и пути проникновения в русский литературный язык заимствований из узбекского языка; вопросы отбора и лексикографирования заимствований из узбекского языка; лексические особенности речи русских, проживающих в Узбекистане.

² См., напр.: Кушлина Э. Н. Таджикские и узбекские слова в русском языке. Душанбе, 1968; Тихонова Э. В. Узбекская лексика в произведениях русских писателей Узбекистана. Автореферат канд. дисс. Ташкент, 1970; Асфандияров И. У. Русский язык в Узбекистане в условиях развитого социализма. Ташкент, 1982.

В области фразеологии: особенности заимствования фразеологизмов из узбекского языка; фразеологические кальки из узбекского языка в русском; особенности калькирования различных типов фразеологических оборотов; пути и особенности заимствования пословиц и поговорок из узбекского языка; тематические группы заимствуемых из узбекского языка фразеологизмов.

В области фонетики и фонологии: особенности влияния узбекского языка на фонологическую систему русского языка (появление в нем не свойственных ему сочетаний фонем под влиянием узбекского языка и т. п.); интонационные особенности русской речи билингвов; акцент в русской речи билингвов; фонетические особенности русской речи русских, живущих в Узбекистане, и др.

В области словообразования: влияние заимствований из узбекского языка на словообразовательные процессы в русском языке; использование неизменяемых собственных имен, заимствуемых из узбекского языка, в русском словообразовании и активизация в связи с этим морфонологических процессов (усечение основ, интерфиксация); изменения в фонологической структуре морфемных швов русских производных слов под влиянием узбекского языка; членимость производных слов, заимствованных из узбекского языка, в русском языке; словообразовательная активность заимствований из узбекского языка в русском языке и др.

В области морфологии: специфика взаимодействия морфологических систем русского и узбекского языков; лексико-грамматические разряды заимствуемых слов; рост различных пластов неизменяемых слов в лексике русского языка под влиянием узбекского и его связь с общим развитием аналитизма в русском языке; морфологические особенности речи русских, живущих в Узбекистане, и др.

В области синтаксиса: особенности взаимодействия русского и узбекского языков в области синтаксиса; синтаксис русской речи русских, живущих в Узбекистане, и др.

Влияние узбекского языка на различные уровни русского языка, конечно, неодинаково, однако оно является реальным фактом. В таких областях языка, как лексика, фразеология, словообразование, оно уже привело к определенным сдвигам, на первый взгляд, малозаметным, но вполне заслуживающим внимания по своим результатам.

Мнение, будто влияние национальных языков (в том числе узбекского) на русский язык столь слабо, что не заслуживает внимания, к сожалению, еще бытует среди наших языковедов, но оно не имеет под собой никакой почвы, а сохраняется лишь потому, что серьезных исследований в этой области пока не было, и мы плохо знаем, как влияют национальные языки на русский, в чем это проявляется, какие активные процессы происходят в русском языке под влиянием национальных языков и какие тенденции намечаются в его недрах. Необходимость прогнозирования и планирования языковой жизни в нашей многонациональной стране требует внимательного изучения не только того, что уже приняло вполне обозримый или законченный вид, но и того, что еще только наметилось и делает первые шаги в своем развитии. Изучение влияния узбекского языка на русский — актуальная задача нашего языкознания.

Необходимо развернуть капитальное сопоставительно-типологическое изучение русского и узбекского языков. Такие исследования помогают выявить общие и специфические черты изучаемых языков, которые не всегда можно разглядеть при их изолированной характеристике. В этом большой теоретический смысл подобных исследований. Однако этим не исчерпывается их значение. Сопоставительно-типологическое исследование — это и лингвистический фундамент учебников русского языка для узбекских школ, техникумов, вузов, которые должны быть построены с учетом трудностей русского языка

для узбеков. А в глубь природы трудностей можно проникнуть только путем сопоставления систем родного и изучаемого языков.

С решением ряда теоретических и практических задач связан другой круг вопросов — культура русской речи в условиях узбекско-русского двуязычия. Чтобы русский язык как средство межнационального общения оптимально выполнял свою историческую миссию и успешно обслуживал все сферы народнохозяйственной и культурной жизни страны, надо постоянно повышать культуру русской речи. Проблема эта в условиях нашей многонациональной страны приобретает общегосударственное значение и является важнейшей частью всего культурного строительства.

Изучение культуры русской речи включает: 1) исследование теоретических вопросов культуры русской речи в условиях узбекско-русского двуязычия; 2) обследование уровня культуры русской речи в различных сферах общения в республике; 3) выявление типичных ошибок в русской речи узбеков и построение их типологии; 4) разработку практических рекомендаций и создание пособий по повышению культуры русской речи.

Большую роль в изучении русского языка и повышении культуры русской речи в республике могут сыграть русско-узбекские и узбекско-русские словари, разговорники различного типа и назначения. Потребность в них особенно высока в условиях, где нет русского языкового окружения и где в связи с этим словари являются единственным (после учебников и учебных пособий) источником, откуда могут черпать знания изучающие русский язык в сельских условиях, так как с учителем русского языка ученики общаются там лишь один час в течение дня (и не каждый день).

Лексикографический аспект проблемы «Русский язык как средство межнационального общения в Узбекистане» предполагает: 1) изучение и обобщение опыта двуязычной (русско-узбекской и узбекско-русской) лексикографии; 2) разработку теоретических основ русско-узбекской и узбекско-русской лексикографии; 3) изучение путей, а также возможностей совершенствования принципов составления, отбора и подачи лингвистического материала в двуязычных словарях; 4) составление русско-узбекских и узбекско-русских словарей различного назначения и объема.

Во всех этих направлениях нет чисто теоретических вопросов, которые не имели бы практического выхода. Основная цель исследования проблемы — оказание практической помощи школе, вузам и взрослому населению республики в овладении русским языком. Однако не следует забывать, что эта помощь может быть эффективной только в том случае, если пособия, словари, разговорники (т. е. вся учебная литература по русскому языку) будут строиться на материалах специальных исследований, на данных обследования конкретной языковой ситуации, если будут последовательно и строго учитываться особенности русского и узбекского языков, конкретные трудности русского языка для носителей узбекского языка. Иначе говоря, прежде всего нужны добротные лингвистические разработки, которые могут лечь в основу пособий и словарей.

Таким образом, выход в практику требует организации большой теоретической и экспериментальной работы, охватывающей все аспекты проблемы. Значит, чтобы действительно помогать школе, вузам республики, необходимо иметь определенный лингвистический задел. Это — разработка теоретических основ учебных пособий и словарей, сбор материала для них, анализ и обобщение его результатов.

Таковы в общих чертах основные направления разработки проблемы «Русский язык как средство межнационального общения в Узбекистане» в ее теоретическом и практическом аспекте.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

О СООТНОШЕНИИ КОНСТИТУЦИИ СССР И СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК

Величайшим достижением советской политической и правовой мысли, триумфом ленинского учения о социалистическом государстве, праве, демократии явилось принятие новой Конституции СССР — Основного Закона общества развитого социализма. В ней зафиксированы общие принципы социалистического строя, выражающие классовую сущность общенародного Советского государства, основные черты его политической организации, принципы руководства народным хозяйством, роль государства и права в духовной жизни общества, укреплении советского образа жизни в целом. В Конституции СССР 1977 г. получили отражение гуманистический характер социалистического государства, дальнейшее углубление и развитие советской демократии. Конституция обобщает весь наш конституционный опыт и одновременно обогащает его новым содержанием, отвечающим требованиям современной эпохи.

С утверждением Конституции СССР 1977 г. возникла настоятельная необходимость разработки и принятия новых Конституций союзных и автономных республик. Тем самым завершился этап формирования новой конституционной системы федеративного Советского государства, характерный для периода развитого социализма.

СССР — единое союзное многонациональное Советское государство, и это определяет его конституционную систему, включающую Конституцию СССР и принятые в соответствии с нею Конституции союзных и автономных советских республик. В ней находят отражение принципы, обеспечивающие необходимое единство в регулировании политической и социально-экономической системы многонационального советского общества, нашего федеративного государства.

Конституция СССР исходит прежде всего из факта существования единого и нерушимого Советского федеративного государства — Союза Советских Социалистических Республик, а Конституции союзных республик — из факта вхождения союзной республики в состав Союза ССР в качестве его равноправного субъекта.

Конституция СССР 1977 г., Конституции союзных республик, в частности Конституция Узбекской ССР 1978 г., опираются на огромный опыт развития советской конституционной системы. Конституция Союза ССР 1977 г. устанавливает, что «союзная республика имеет свою Конституцию, соответствующую Конституции СССР и учитывающую особенности республики» (ст. 76). В Конституции СССР 1936 г. говорилось несколько иначе: «...учитывающую особенности республики и построенную в полном соответствии с Конституцией СССР». Изменение формулировки о требованиях к республиканским Конституциям имеет, разумеется, определенный смысл. Если Конституция 1936 г. говорила о полном соответствии республиканских Конституций союзной, то новая Конституция СССР ограничивается требованием соответствия. Это положение отражает высокий уровень развития СССР и союзных республик, возможность творческого воплощения в Конституциях республик положений общесоюзного Основного Закона.

Развитие советской федерации характеризуется двумя важными тенденциями, которые нашли отражение в новых Советских Конституциях. Во-первых, это — укрепление союзных начал в организации всего Советского многонационального государства, что диктуется прогрессирующим сближением наций и народностей СССР, объективно сложившимся единством политической и экономической систем советского общества, возникновением новой исторической общности людей — советского народа, а также все более крепнущим единством целей, задач, интересов всех советских республик.

Союз ССР в современных условиях обеспечивает не только «осуществление взаимопомощи по линии экономической и политической, равно как и по линии оборонной», как говорилось в ст. 13 Конституции Узбекской ССР 1937 г. и соответствующих статьях Конституций других союзных республик, что в сущности еще отражало цели образования Союза ССР в 1922 г. Ныне СССР «олицетворяет государственное единство советского народа, сплачивает все нации и народности в целях совместного строительства коммунизма»¹.

¹ См. ст. 70 Конституции (Основного Закона) Союза ССР.

Конституции союзных республик, исходя из программных решений нашей партии, отмечают, что союзные республики в «целях успешного строительства коммунистического общества, укрепления экономического и политического единства, обеспечения безопасности и обороны страны» на основе добровольности и равноправия, свободного самоопределения наций объединяются друг с другом в единое союзное многонациональное государство².

Конституции союзных республик 1978 г. исходят из сложившегося «экономического и политического единства республик», из характера социалистического общенародного государства, который определяется теперь единым народнохозяйственным комплексом, единым экономическим базисом всего советского общества.

Во-вторых, развитие советской федерации характеризуется дальнейшим укреплением гарантий суверенных прав союзных республик, их расширением (предусмотренные Конституцией право на участие республик в решении вопросов, отнесенных к ведению Союза ССР, право законодательной инициативы в Верховном Совете СССР).

Конституция СССР 1977 г. определила правовое положение союзных республик в составе Союза ССР, их суверенные права и основы построения органов государственной власти и управления республик. Более конкретное решение этих вопросов предоставлено самим республикам. Так, в Конституциях союзных республик детально регулируется правовое положение республики и автономных образований, входящих в ее состав. В частности, в них даны:

1) развернутое определение предметов ведения союзной республики, ее компетенции (см., напр., ст. 74 Конституции УзССР);

2) более подробная характеристика правового положения автономной республики, прав и основ построения ее высших органов государственной власти и управления (см., напр., гл. 8, ст. ст. 78—81 Конституции УзССР);

3) определение административно-территориального устройства (см., напр., ст. ст. 71, 73 Конституции УзССР);

4) развернутая регламентация организации и деятельности Верховного Совета и Совета Министров республики, установление их компетенции и взаимоотношений (см., напр., гл. 12, 13 Конституции УзССР);

5) более полное регулирование организации и деятельности местных органов государственной власти и управления (см., напр., гл. 9 Конституции УзССР);

6) более подробная регламентация вопросов плана и бюджета республики (см., напр., ст. 74 п. 8 Конституции УзССР);

7) решение других вопросов, отнесенных к ведению союзной республики.

Таким образом, круг вопросов, составляющих конституционную компетенцию союзной республики, довольно широк. Но при подготовке Основных Законов союзных республик нельзя было ограничиться решением только этих вопросов. Конституция союзной республики должна охватить все основные вопросы, которые составляют предмет конституционного регулирования социалистического государства, воспроизведя соответствующим образом основные разделы и положения Конституции СССР. Принятие именно такого развернутого Основного Закона союзной республики отвечало ее статусу, тому, что она является суверенным государством, которое вне пределов, указанных в ст. 73 Конституции СССР, самостоятельно осуществляет государственную власть на своей территории.

Ст. 16 Конституции СССР устанавливает, что «экономика СССР составляет единый народнохозяйственный комплекс, охватывающий все звенья общественного производства, распределения и обмена на территории страны». Подчеркивая эту важную, принципиальную черту экономики СССР, общесоюзный Основной Закон имеет в виду как структурное, так и территориальное ее единство. Советская экономика едина на всей территории страны. Это положение получает свое преломление и конкретизируется применительно к союзным республикам в их Конституциях. «Экономика Узбекской ССР.— говорится в ст. 16 Конституции Узбекистана,— является составной частью единого народнохозяйственного комплекса, охватывающего все звенья общественного производства, распределения и обмена на территории СССР». Аналогичные положения содержат Конституции всех других союзных республик. Таким образом, здесь норма общесоюзного Основного Закона получает дальнейшее развитие и дополнение.

Конституция Узбекской ССР не просто воспроизводит соответствующие нормы общесоюзного Основного Закона, а формулирует их с позиции республики. «В соответствии с установленным в СССР единым союзным гражданством,— говорится, например, в ст. 31 Конституции Узбекской ССР,— каждый гражданин Узбекской ССР является гражданином СССР». Далее в статье провозглашается: «Граждане других союзных республик пользуются на территории Узбекской ССР одинаковыми правами с гражданами Узбекской ССР».

Граждане Узбекской ССР за границей пользуются защитой и покровительством Советского государства³.

О соотношении Конституции СССР и Конституции союзной республики можно судить и по тому, как соотносятся их структуры и численность статей. Сама систе-

² Ст. 68 Конституции УзССР и соответствующие статьи Конституций других союзных республик.

³ См. Конституцию (Основной Закон) СССР (ст. 33) и Конституцию (Основной Закон) Узбекской ССР (ст. 31).

ма их разделов, глав и статей отличается друг от друга. Если Конституция СССР состоит из 9 разделов, 21 главы и 174 статей, то Конституция Узбекской ССР, например, состоит из 11 разделов, 21 главы и 183 статей. При этом в Конституции Узбекской ССР, имеющей в своем составе Каракалпакскую АССР, есть специальный раздел о высших органах государственной власти и управления автономной республики.

Одно из важнейших назначений Конституции союзной республики — регулирование вопросов, относящихся к конституционной компетенции субъектов советской федерации. На первом месте среди них стоит определение предметов ведения, полномочий союзной республики. В этом отчетливо видна одна из принципиальных черт советской федерации, отмеченных Конституцией СССР, которая состоит в том, что СССР — это «единое союзное многонациональное государство». В соответствии с этим определение предметов ведения и полномочий союзной республики в ее Конституции согласовано со ст. 73 Конституции СССР, устанавливающей предметы ведения Союза ССР.

Направления деятельности, указанные в союзной Конституции, получают развитие в республиканских Конституциях с учетом компетенции и условий республик, а также единой системы органов государственного управления. Так, п. 3 ст. 73 Конституции СССР предусматривает, что к ведению Союза ССР относится «установление общих начал организации и деятельности республиканских и местных органов государственной власти и управления», а Конституция Узбекской ССР относит к своей компетенции «установление порядка организации и деятельности республиканских и местных органов государственной власти и управления» (ст. 74 п. 6).

Наряду с этим в Конституции Узбекской ССР указываются и те отрасли управления, которые имеют преимущественно республиканское значение, а также вопросы, решение которых относится к компетенции республики. Таковы, например, руководство жилищным и коммунальным хозяйством, бытовым обслуживанием, социальным обеспечением, разработка и утверждение государственных планов экономического и социального развития и государственных бюджетов республики (ст. 74 п.п. 8, 9, 10, 12 и др.).

В составе компетенции союзной республики, в предметах ее ведения важнейшее место принадлежит ее суверенным правам. Таковы право свободного выхода из СССР, право принимать Конституцию республики и вносить в нее изменения, право осуществлять законодательство, вступать в отношения с иностранными государствами и другие, предусмотренные Конституцией СССР и Конституциями союзных республик. К такого рода правам принадлежит и реализуемое в союзной и республиканских Конституциях право установления языка, на котором публикуются законодательные акты и ведутся дела в государственных органах.

Конституция СССР решает вопросы использования языка применительно к трем случаям. Провозглашая право граждан СССР на образование, она указывает в числе мер, его обеспечивающих, возможность «обучения в школе на родном языке» (ст. 45). Предусматривая публикацию законов СССР, постановлений и иных актов Верховного Совета СССР, она устанавливает, что эти акты «публикуются на языках союзных республик» (ст. 116). Наконец, подробно регламентируются вопросы языка судопроизводства. Согласно ст. 159 Конституции СССР, «судопроизводство ведется на языке союзной или автономной республики, автономной области, автономного округа или на языке большинства населения данной местности. Участвующим в деле лицам, не владеющим языком, на котором ведется судопроизводство, обеспечивается право полного ознакомления с материалами дела, участие в судебных действиях через переводчика и право выступать в суде на родном языке». Таким образом, общесоюзный Основной Закон последовательно обеспечивает в этой области принцип равноправия всех наций и народностей, равноправия всех языков.

Конституции союзных республик решают вопросы использования языка путем воспроизводства и конкретизации приведенных норм Конституции СССР. Так, ст. 170 Конституции Узбекской ССР устанавливает, что судопроизводство в Узбекской ССР ведется на узбекском языке, каракалпакском или языке большинства населения данной местности.

Соответствие идей Конституции Узбекской ССР общесоюзному Основному Закону отчетливо видно и на таком примере.

В первой Советской Конституции — Конституции РСФСР 1918 г., которая была разработана под руководством В. И. Ленина и содержала в себе много ленинских мыслей, отражала ленинский стиль и подход к вопросам конституционного строительства, — была ст. 23, которая гласила, что Советское государство «лишает отдельных лиц и отдельные группы прав, которые используются ими в ущерб интересам социалистической революции».

В Конституции СССР 1977 г. это положение закреплено в ст. 39 в следующей редакции: «Использование гражданами прав и свобод не должно наносить ущерб интересам общества и государства, правам других граждан». Ст. 37 Конституции Узбекской ССР также закрепила это положение.

Таким образом, нормы Конституции союзной республики соответствуют требованиям Конституции СССР, а вместе с тем творчески развивают ряд ее положений с учетом особенностей республики, что обогащает и развивает советское конституционное законодательство в целом.

Ю. С. Сирждинов

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРАВА И НАРОДНЫХ ТРАДИЦИЙ

Марксистско-ленинские партии считают одним из важнейших условий успеха своей деятельности по руководству массами, развитием общества учет национально-го уклада, особенностей быта, традиций, культуры, языка, психологии и других национально-специфических черт каждого народа. Народные обычаи, традиции играют не последнюю роль в национальном укладе. Складывающиеся на протяжении многих лет, они со временем становятся составной частью национального характера данного народа, непреходящими атрибутами его истории, повседневной жизни. Неуважение к обычаям и традициям воспринимается как неуважение к самому народу — их носителю.

На формирование и развитие традиций оказывают влияние и ход исторического развития, и существующий государственный и общественный строй, и правовая система, и культурный уровень народа и т. д. Обычаи и традиции, глубоко укоренившись в общественном сознании, оказывают определенное воздействие на формирование правосознания и правовых норм, и в то же время сложившиеся правовые нормы оказывают влияние на рождение новых традиций и обычаев, их изменение и развитие.

В условиях зрелого социализма складывается единство целей, задач, сущности подлинно народных обычаев, традиций и социалистического права, что находит отражение и в законодательстве. Здесь уместно напомнить, например, что Верховный Совет СССР принял 24 июня 1981 г. Закон «О правовом положении иностранных граждан в СССР». Ст. 4 Закона гласит: «Находящиеся в СССР иностранные граждане обязаны уважать Конституцию СССР и соблюдать советские законы, с уважением относиться к правилам социалистического общежития, традициям и обычаям советского народа»¹. Как видим, законодатель требует уважительного отношения как к правилам социалистического общежития, так и к традициям народа, придает им как бы силу общеобязательных норм.

Традиции и обычаи, как и другие социальные нормы светского социалистического общества, сближают людей единой целью, едиными помыслами, нацеливают на решение общих для всего советского народа актуальных задач.

Недаром в документах XXVI съезда КПСС и последующих Пленумов ЦК КПСС неизменно подчеркивается необходимость всемерной поддержки и развития славных революционных, боевых, трудовых традиций советского народа, лучших национальных традиций, широкого использования их, особенно новых, советских традиций, для коммунистического воспитания масс, прежде всего подрастающего поколения.

На состоявшемся в мае 1984 г. Всеармейском совещании секретарей комсомольских организаций Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко говорил о революционной преемственности поколений, о том, что наш комсомол «свято хранит и приумножает замечательные традиции своих отцов»².

В постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении партийного руководства комсомолом и повышении его роли в коммунистическом воспитании молодежи» вновь была подчеркнута обязанность партийных организаций учить молодежь «на революционных, боевых и трудовых традициях партии и народа» и вместе с тем — воспитывать у нее «уважительное отношение к закону», высокое чувство социальной ответственности, гражданского долга³.

Об этом говорилось и на XVI пленуме ЦК КПУз (июнь 1984 г.). При этом указывалось и на необходимость решительной борьбы с пережитками прошлого, косными, отжившими обычаями и традициями, а вместе с тем с особой остротой подчеркивалась необходимость «обеспечивать строгое и полное выполнение социалистических законов, соблюдение правопорядка»⁴.

Таким образом, партия рассматривает и советский закон, нормы социалистического права, и славные традиции советского народа как мощные средства совершенствования общества зрелого социализма, коммунистического воспитания масс.

Обычаи и традиции обеспечивают преемственность поколений в общественном развитии. Они отражают историю, культуру, быт, духовный облик, психологический склад людей. В отличие от семейных, профессиональных, узкогрупповых традиций, народные традиции своими корнями уходят в глубь веков, приобретают устойчивые черты и, качественно обновленные в наше время, обретают новую идейно-нравственную направленность.

Как известно, Великий Октябрь проходил под знаменем уважения Советской властью обычаев и традиций народов, что вытекало из глубоко народного характера пролетарской революции. Об этом прямо говорилось в таких известных исторических документах, как «Декларация прав народов России», обращение Советского правительства «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» и др. Этот ленинский принцип последовательно проводится на всех этапах развития Советского государства.

¹ Известия, 1981 г., 25 июля.

² Правда, 1984 г., 29 мая.

³ См.: Правда, 1984 г., 7 июля.

⁴ См.: Правда Востока, 1984 г., 26 июня.

Можно привести множество примеров, убедительно показывающих, что обычаи и традиции тесно взаимодействуют с нормами права. Так, наше законодательство о труде опирается на исконно существующее в народной сфере отношение к труду и в то же время в трудовых коллективах складывается немало обычаев и традиций, которые дополняют, подкрепляют правоотношения, обогащают жизнь и деятельность трудовых коллективов. Советские законы об охране природы опираются на любовь народа к родной земле, ее природе, народные традиции бережного отношения к земле, воде, лесу, другим природным ресурсам. Подлинно всенародной заботой о лучшем национальном наследии каждого народа пронизаны законы об охране памятников истории и культуры. То же самое можно сказать и о других отраслях права, которые черпают силу в лучших традициях нашего народа.

Разумеется, есть обычаи прогрессивные и обычаи вредные, отражающие негативное наследие прошлого. Так, длительное время в условиях среднеазиатских республик приходилось вести борьбу с вредными бытовыми обычаями прошлого, феодально-байскими пережитками, особенно тяжело отражавшимися на положении женщин коренного населения. Советское законодательство сыграло важную роль в искоренении вредных и оскорбительных обычаев прошлого. Так, в Конституции Узбекской ССР 1937 г., спустя 20 лет после победы Великого Октября, ст. 121 все еще гласила, что сопротивление фактическому раскрепощению женщин (выдача замуж несовершеннолетних, калым, организация сопротивления вовлечению женщин в учебу, сельскохозяйственное и промышленное производство, государственное управление и общественно-политическую жизнь) карается законом. Значит, в те годы указанные пережитки прошлого были еще довольно распространенным явлением. Актуальность борьбы с ними и породила эту важную конституционную норму, сыгравшую огромную роль в фактическом раскрепощении женщин местных национальностей.

В результате упорной работы партии и Советского государства, построения и упрочения социалистического общества женщины Советского Востока обрели подлинное равноправие, высокий социальный статус, и в новой Конституции Узбекской ССР (1978 г.) уже нет нормы о борьбе за раскрепощение женщин. Для борьбы с отдельными, редкими рецидивами проявлений вредных обычаев прошлого теперь достаточно норм Уголовного кодекса. Новая Конституция Узбекской ССР, как и Конституция СССР 1977 г., говорит о полном равноправии женщин с мужчинами. Виновные же в нарушении равноправия женщин привлекаются к уголовной ответственности по ст. 134 УК УзССР. Есть в Уголовном кодексе республики и другие статьи (ст. ст. 98, 135), направленные на полное искоренение того отношения к женщине, которое считалось вполне обычным в дореволюционном прошлом.

Интересно решает советское законодательство вопрос о брачном возрасте, который тесно связан со сложившимися традициями народов. Так, согласно ст. 18 Кодекса о браке и семье Узбекской ССР (1969 г.), брачный возраст в республике установлен для мужчин — 18, для женщин — 17 лет. Исполкомы районных и городских Советов в отдельных исключительных случаях могут снижать его, но не более чем на один год. Эта норма учитывает складывавшиеся веками традиции.

Таких фактов тесного взаимодействия советского права и народных традиций очень много. Они свидетельствуют о том, что наше законодательство чутко относится к подлинно народным обычаям и стремится учесть их как в формировании правосознания, создании новых правовых норм, так и в их применении.

Коммунистическая партия и Советское государство, опираясь на растущую сознательность и социальную активность советских людей, эффективно используют и правовые нормы, и лучшие народные традиции, особенно рожденные советской эпохой, в целях коммунистического воспитания масс, совершенствования общества зрелого социализма, упрочения и развития нашего советского образа жизни, торжества великих идей коммунизма.

С. И. Воробьева

СТИЛЬ НАУЧНОГО МЫШЛЕНИЯ И МЕТОДЫ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

Стиль научного мышления по своему содержанию имеет много общего с методами научного познания. На этом основании некоторые авторы склонны к их отождествлению. Именно такое отождествление, на наш взгляд, допускает И. Б. Новик, который считает, что стиль научного мышления современного естествознания определяется методами познания, способами получения новых знаний, как математический метод, методы моделирования, формализации, системно-структурного анализа и др. «Научно-технический уровень производства, — пишет он, — определяется состоянием научного познания на данном историческом этапе. В свою очередь, общий уровень производства и глубина научных идей в существенной мере зависят от методологической обеспеченности специальных дисциплин, важным элементом которой служит та совокупность особенностей получения знаний, которая характеризует стиль мышления в естествознании. Чем полнее будут обоснованы основные методологические черты научного познания, тем благоприятнее будут складываться условия для дальнейшего прогресса науки, ведущего к совершенствованию производства и повышению уровня жизни людей»¹.

¹ Новик И. Б. Вопросы стиля мышления в естествознании. М., 1975, с. 4.

Аналогичной точки зрения в трактовке соотношения стиля научного мышления и методов научного познания придерживаются Э. А. Румянцева, А. Т. Москаленко, В. Ф. Сержантов и др. «Под стилем научного мышления,— пишет Э. А. Румянцева,— мы понимаем совокупность специфических черт, средств и способов выражения и овладения объективным содержанием исследуемых процессов и явлений с использованием наличного логико-структурного аппарата теорий и частнонаучных методов»². По мнению А. Т. Москаленко и В. Ф. Сержантова, стиль научного мышления есть система главных методологических принципов, выведенных из теоретических построений какой-либо науки³.

Бесспорно, стиль научного мышления тесно связан с методами научного познания, но было бы неверно отождествлять их друг с другом. Как отмечает Ж. Т. Туленов, если согласиться, что стиль научного мышления определяется методами познания, то следует признать, что стиль мышления разных отраслей науки, пользующихся одними и теми же методами, одинаков⁴. Но это не так. Даже в рамках одной и той же науки, на различных этапах ее развития существуют различные стили мышления. Например, стиль мышления современной синтетической биологии существенно отличается от стиля мышления классической биологии.

На наш взгляд, взаимосвязь между стилем научного мышления и методами научного познания можно охарактеризовать как отношение тождества и различия. Между ними имеются и моменты тождества, и моменты различия внутри этого тождества.

Общее между понятиями стиля мышления и метода познания, как справедливо отмечает И. Д. Андреев, выражается в том, что оба они включаются в систему методологии научного познания, выражают активность субъекта в этом процессе, являются своеобразным отражением свойств, сторон исследуемого объекта и содержат в себе определенную систему регулятивных, нормативных принципов⁵.

Вместе с тем между понятиями «стиль научного мышления» и «методы научного познания» существуют и определенные различия. Они проявляются во многих отношениях. Так, И. Д. Андреев считает, что стиль научного мышления гораздо больше, чем метод познания, зависит от эпохи. Особенно ярко это проявляется при сравнении частных стилей мышления и общенаучных методов познания. Если первые меняются с каждым крутым поворотом в развитии науки и научного познания, то, по крайней мере, некоторые общенаучные методы, как, скажем, эксперимент, столь же стары, как и само научное познание⁶.

Общенаучные методы могут быть неодинаковыми при исследованиях разных проблем одной и той же науки, а стиль мышления при этом остается, ибо масштаб его функционирования значительно шире масштаба функционирования того или иного общенаучного метода. Он функционирует не только в процессе исследования какой-то конкретной проблемы, но оказывает влияние на все сферы исследования в своей области знания. Можно даже сказать, что стиль мышления включает в себя методы познания и с их помощью влияет на ход научного познания.

«Метод,— как справедливо отмечает Ж. Т. Туленов,— это своего рода инструмент научного познания, соответствующее вооружение науки, с помощью которого ученый добывает новые знания. Поэтому метод скорее характеризует технологию научного познания, а не стиль его мышления»⁷.

Л. А. Микешина считает, что общие черты между стилем научного мышления и методами познания обусловлены тем, что стиль и метод характеризуют познавательную деятельность субъекта, т. е. являются нормативным знанием, которое не отражает непосредственно объект, но предписывает действия с ним с учетом закономерностей самой познавательной деятельности. Достаточно существенные различия между ними обнаруживаются при рассмотрении их структуры и характера осуществляемой ими внутринаучной детерминации.

Если метод может изменяться при переходе от одной познавательной задачи к другой, то стиль мышления остается при этом неизменным. Его эволюция носит фундаментальный характер, предполагает изменение во всех указанных выше методологических параметрах и поэтому происходит в течение длительного времени. Стиль проникает во все области знания, «окрашивая» его определенным образом, тогда как при помощи методов, в том числе общенаучных, решаются задачи частного характера. Стиль научного познания как синтетическая и обобщенная форма методологического знания одновременно выполняет регулятивную, селективную и прогностическую функции, тогда как методы дифференцируются в зависимости от

² Румянцева Э. А. О понятии «стиль научного мышления». — Вестник Белорусского университета, Минск, 1974, сер. 1, № 1, с. 34.

³ Москаленко А. Т., Сержантов В. Ф. Философские основания методологии частных наук и методологические проблемы взаимодействия философии и частных наук. — В кн.: Методология науки и научный прогресс, Новосибирск, 1981, с. 110—115.

⁴ Туленов Ж. Т. Диалектика и стиль научного мышления. Ташкент, 1983, с. 8.

⁵ Андреев И. Д. О стиле научного мышления. — Философские науки, 1982, № 3, с. 47.

⁶ Там же.

⁷ Туленов Ж. Т. Указ соч., с. 18—19.

того, какую из этих функций они реализуют. Стиль мышления в значительной мере проявляется и функционирует через методы, а методы, в свою очередь, детерминируются стилем, хотя и не только им.

Стиль и метод познания существенно различаются также по характеру детерминации ими познавательного процесса. В реальном научном знании стиль мышления не представляет собой четкую программу; он формируется содержательно, не строго. Это обеспечивает более гибкую систему регулирования процесса познания, нежели жестко запрограммированный или формализованный метод, представляющий более сильную форму детерминации. Гибкость позволяет одному и тому же стилю мышления модифицироваться в зависимости от задач исследования, областей знания, наук и т. д. Кроме того, создание какой-либо «жесткой матрицы» или формализация стиля просто невозможны, поскольку лежащее в его основе знание содержит неформализуемые элементы (в частности, мировоззренческие). Стиль познания не выполняет однозначно и жестко регулятивную функцию, но как относительно априорное, предпосылочное знание, содержащее эвристические принципы, входит существенной составной частью в познавательный «фон» ученого. Питая его инициацию, стиль познания определяет общее направление творческого поиска, «подсказывает» возможные варианты постановки научной проблемы, а также пути и способы ее решения⁸.

По мнению В. Т. Салосина, различие между стилем научного мышления и методами научного познания хорошо выступает при рассмотрении категориального основания.

Наиболее глубокой основой человеческого мышления, отмечает он, является его категориальный строй, складывающийся в качестве своеобразной кристаллизации исторически развивающихся всеобщих форм человеческой деятельности. Этот строй образует логический фундамент как метода, так и стиля мышления. Но метод мышления определяется прежде всего объективной логикой предмета, раскрывающейся по мере практического и теоретического освоения. Поэтому всеобщий (философский) метод характеризуется всей системой категорий как универсальных форм человеческого мышления о мире в определенную историческую эпоху, а частные методы — теми категориальными системами, которые активно работают при практическом или теоретическом освоении той предметной области, для исследования которой эти методы были разработаны.

Стиль же мышления формируется под воздействием тех сфер и форм человеческой деятельности, которые в данную эпоху оказываются лидирующими⁹. В естествознании, в частности, стиль мышления определяет в науке более жесткие формы и становится главным содержанием так называемой научной парадигмы или «дисциплинарной матрицы».

Категориальная структура, как считает В. Т. Салосин, является наиболее глубокой основой стиля научного мышления. На этой основе формируются все остальные его компоненты: система общенаучных понятий, понимание форм объективной связи между явлениями, определенный тип научной абстракции, а также понимание характера субъект-объектных отношений, включая отношение научной абстракции к реальности.

Понятие стиля мышления, отмечает А. С. Мамзин, тесно связано с понятием метода и, вероятно, поэтому они долгое время не расчленились. Однако эти понятия не только тесно взаимосвязаны, но и отличны друг от друга. Понятие стиля раньше возникает в области языка, литературы и искусства, а также в сфере практических действий (стиль руководства) и несколько позже начинает использоваться по отношению к теоретическому мышлению.

«Система нормативных принципов,— пишет А. С. Мамзин,— правил, установок, способов действия, вытекающая из имеющихся теоретических представлений об объекте исследования, выражающаяся в категориальном аппарате познания, дающая общее направление познанию и определяющая его содержательную сторону, его соответствие объективной деятельности, его смысл, в том или ином конкретном случае, есть метод познания».

Совокупность же средств, приемов, определенное сочетание их, характер переходов и связей между отдельными приемами (компонентами метода) образуют стиль творчества (художественного или научного). Стиль связан с методом¹⁰. И метод, и стиль относятся к форме отражения, но метод характеризует в большей мере способ действия, стиль же — результат действия — способ построения произведения искусства, его структуру и т. д., а в науке — способ сочетания различных приемов исследования, характер построения гипотезы, теории¹¹.

⁸ См.: Микешина Л. А. Стиль научного познания как объект методологического анализа.— В кн.: Диалектика в науках о природе и человеке, М., 1983, с. 280—285.

⁹ См.: Салосин В. Т. О соотношении метода и стиля научного мышления.— В кн.: Диалектика в науках о природе и человеке, с. 286.

¹⁰ Мамзин А. С. О методе познания и стиле мышления в биологии.— В кн.: Диалектика в науках о природе и человеке, с. 292.

¹¹ Применительно к области искусства именно так ставит вопрос о соотношении метода и стиля М. С. Каган: «Понятие «творческий метод» обозначает закономерности процесса созидания художественных ценностей, а понятие «стиль» — зако-

Метод выступает, по сути дела, как теория, обращенная на сам процесс познания и действия, и в связи с этим носит более объективный характер; он как бы ближе к объекту по сравнению со стилем и в идеальном случае, в тенденции направляет на исключение субъективного момента из познания.

Стиль, как и метод, имеет объективную обусловленность, но сфера его проявления — не столько в содержательной области отражения (художественного или научного), сколько в способах раскрытия содержания. Это особенно отчетливо проявляется в искусстве. Как известно, художественный образ, в отличие от технического рисунка, чертежа или фотографии, несет в себе не просто информацию о каком-либо внешнем явлении, но и информацию об эстетических переживаниях его творца.

Стиль характеризуется не только чертами, общими с методом, но и некоторыми особенностями, обусловленными рядом обстоятельств — областью познания, непосредственным объектом исследования, личностью исследователя и др.¹²

Если методы научного познания характеризуют технологично получение нового знания, способы накопления и систематизации научных фактов, то стиль научного мышления характеризует принципы их осмысления, интерпретации и включения в концептуальную систему знания на основе соответствующих теоретических предположений, выступающих в качестве регулятивов познания.

Стиль научного мышления по своему содержанию шире, чем методы научного познания. Он включает в себя методы научного познания в качестве важнейшего и необходимого элемента, но не сводится к ним. В структурном отношении в содержание стиля научного мышления входят и методы научного познания, и научные идеи, принципы, теории, и категориальная система науки, определяемые характером фундаментальной теории, господствующей на том или ином этапе функционирования науки, и другие элементы.

Методы исследования не просто входят в стиль мышления определенной эпохи, а служат наиболее действенным орудием в познании и преобразовании объективной действительности и потому их соотношение диалектически противоречно. Определенный стиль мышления основывается на принципах, методологических установках, свойственных данному периоду. На определенной стадии развития науки стиль мышления становится ограничителем развития новых методов познания. Это противоречие снимается с изменением стиля мышления, что ведет к изменениям в исходных представлениях о том, что значит познать и объяснить науку¹³, к возникновению и развитию новых комплексов методов. Это свидетельствует о том, что методы научного познания, будучи важнейшим структурным элементом стиля научного мышления, в свою очередь, оказывают на него активное обратное воздействие, «подталкивая» к поискам новых решений, возникающих перед учеными в процессе научного познания.

Ф. Максудов

номерности структуры самих художественных творений; творческий метод есть система принципов, управляющих художественным освоением действительности, а стиль (в одном произведении или целой группе) — это определенная система форм, в которой закрепляются результаты творчества» (Каган М. С. Лекции по марксистско-ленинской эстетике. Л., 1971, с. 726—727).

¹² Мамзин А. С. Указ. статья, с. 294.

¹³ См. об этом: Сачков Ю. В. Проблемы стилей мышления в науке. — В кн.: Материалистическая диалектика как логика и методология современного научного познания. Алма-Ата, 1977; его же. Стиль мышления и методы исследования. — Материалы III Всесоюзного совещания по философским вопросам современного естествознания, М., 1981, вып. II, с. 264; Гуленов Ж. Диалектика и стиль научного мышления. — В кн.: Диалектика и научное познание, Ташкент, 1979; Андреев И. Д. О стиле научного мышления, и др.

ПОВЫШЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО И КУЛЬТУРНО-ТЕХНИЧЕСКОГО УРОВНЯ ОСВОИТЕЛЕЙ КАРШИНСКОЙ СТЕПИ

Одним из основных направлений современной аграрной политики партии является все более широкое развитие ирригации и мелиорации. Это с новой силой было подчеркнуто на XXVI съезде КПСС и в Продовольственной программе СССР, одобренной майским (1982 г.) Пленумом ЦК КПСС.

В решениях XXVI съезда партии указано на необходимость дальнейшего усиления этой работы и эффективного использования земель, особенно мелиорированных. «Это, — подчеркивалось на съезде, — требует еще большего внимания к повышению квалификации кадров...»¹

Крупные ирригационные и мелиоративные работы ведутся и в Узбекистане, в том числе на целинных землях Каршинской степи. И здесь особое значение имеют качественный состав кадров, их квалификация, профессиональный и культурно-технический уровень.

Надо сказать, что качественное совершенствование состава кадров Каршинской целинной зоны имеет свои особенности и идет по нескольким направлениям. Во-

¹ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 46.

первых, сюда по решению партии и правительства организуется плановое перераспределение трудовых ресурсов из других районов Узбекистана. Во-вторых, отряд специалистов пополняется за счет энтузиастов, главным образом молодежи, едущих на Всесоюзную ударную комсомольскую стройку по зову сердца, призыву первоцелинников и комсомольским путевкам. В-третьих, большой вклад в решение кадровой проблемы на целине вносят профессионально-технические училища, вузы и средние специальные учебные заведения, ежегодно направляющие в зону освоения Каршинской степи большое количество выпускников.

Например, в 1969 г. в порядке распределения в подразделения Каршистроя прибыло 253 специалиста с высшим и средним специальным образованием, в 1970 г. — 491 специалист² и т. д.

В освоение целинных земель была вовлечена значительная часть трудовых ресурсов Кашкадарьинской области, а также других районов республики. Только за 1970—1977 гг. в новые совхозы переселились 4,5 тыс. семей из различных районов Кашкадарьи, или около 20 тыс. человек. Это позволило в основном обеспечить трудовыми ресурсами 10 крупных хозяйств и сформировать их руководящий состав³.

Важная роль в обеспечении общеобразовательной подготовки будущих освоителей целины принадлежит сельским школам. С начала освоения до 1978 г. на строительство объектов народного образования в Каршинской степи было израсходовано 14 млн. руб. и на эти средства, в частности, построено 18 школ на 10 тыс. учебных мест⁴.

Только за 1971—1981 гг. среднее образование в области получили 169 тыс. юношей и девушек.

На стройки Каршинской степи приезжает много молодежи. По зову сердца и комсомольским путевкам сюда к концу 1981 г. прибыло более 5 тыс. юношей и девушек, представляющих 50 национальностей и народностей страны⁵.

Наиболее остро на целине стояла проблема кадров средней и особенно высшей квалификации.

Исходя из этого, было решено организовать в Карши филиал ТИИМСХ с набором студентов из близлежащих районов. Он стал функционировать с 1968 г.⁶ За 1971—1981 гг. филиал направил на производство 560 инженеров-механиков, землеустроителей, гидротехников⁷, которые успешно трудятся в строительных подразделениях Каршистроя и других областях республики.

В целях расширения выпуска специалистов среднего звена для целинных зон в 1964 г. Шахрисабзский техникум механизации был передан в ведомство Главсредазирсовхозстроя при Министерстве мелиорации и водного хозяйства СССР. За 50 лет, с начала своего существования до конца 1979 г., техникум подготовил 8000 квалифицированных специалистов⁸.

Растет подготовка кадров и в Каршинском политехникуме. За 1964—1983 гг. здесь было обучено 5851 человек по восьми профессиям. Кроме того, с 1965 г. открыто заочное отделение по шести специальностям. Первый выпуск (157 человек) состоялся в 1968 г. За время деятельности заочного отделения, где в основном занимаются каршистроевцы, подготовлено 2935 молодых специалистов⁹.

Все это положительно сказывается на кадровом составе подразделений Каршистроя. Если в 1966 г. здесь работало 340 инженерно-технических работников, то к началу 1981 г. — 3674. За 1971—1981 гг. более чем в 5 раз возросло число работников с высшим образованием, а количество специалистов средней квалификации увеличилось почти в 3,4 раза¹⁰.

Большая роль в повышении культурно-технического уровня рабочих-строителей и освоителей целины принадлежит профессионально-техническим училищам.

В 1983 г. в Кашкадарьинской области действовало 37 профтехучилищ, готовивших кадры по 45 специальностям¹¹. Их число значительно выросло за последние годы. Только в 1980 г. в области было открыто 10 профтехучилищ¹².

В целях дальнейшего укрепления учебно-производственной базы профтехучилищ, готовящих кадры непосредственно для хозяйств Каршинской зоны, Чимкурганское СПТУ № 36 было закреплено за первым целинным совхозом «Аврора», а Чимкурганское ПТУ № 58 — за управлением Каршистроя¹³. В 1981 г. в строительномонтажных организациях и совхозах Каршистроя работало более 950 выпускников профтехучилищ № 26, 37, 236, 256¹⁴.

² ЦА ВЛКСМ, ф. 1, оп. 36, д. 197, л. 258—259.

³ Джалалов Э. Каршинская целина. Ташкент, 1979, с. 20.

⁴ Текущий архив Каршистроя.

⁵ Степной край, 1981 г., 28 октября.

⁶ ЦГА УзССР, ф. Р-2743, оп. 1, д. 1025, л. 343—344.

⁷ Кашкадарьинская правда, 1982 г., 16 марта.

⁸ Степной край, 1980 г., 16 мая.

⁹ По данным Каршинского политехникума.

¹⁰ По данным Каршистроя.

¹¹ Кашкадарьинская правда, 1983 г., 10 августа.

¹² Кашкадарьинская правда, 1981 г., 21 октября.

¹³ Бабаханова С. НТР и подготовка кадров.— Сельское хозяйство Узбекистана, 1983, № 10, с. 51.

¹⁴ ЦГА УзССР, ф. Р-2743, оп. 1, д. 579, л. 195.

Крупный вклад в подготовку кадров массовых профессий вносит учебный комбинат, действующий при Каршистрое с 1965 г. За 1965—1983 гг. здесь было обучено и переподготовлено 28 655 человек. Ныне учебный комбинат готовит кадры по 20 профессиям¹⁵.

Все это дает весомые результаты. Если в 1971 г. в системе Каршистроа работало 3147 механизаторов, то в 1981 г. — 8334¹⁶.

С июня 1977 г. в Миракинском доме учебы и отдыха ведутся семинары по повышению квалификации различных категорий работников Каршистроа¹⁷. Только в 1980 г. здесь состоялось 4 семинара-совещания на различные темы. Обучено и аттестовано по подразделениям Каршистроа 8754 рабочих и 1887 инженерно-технических работников¹⁸.

Одна из важных форм повышения квалификации — овладение вторыми или смежными профессиями. В подразделениях Каршистроа эта форма получила особенно широкое развитие в связи с внедрением коллективного подряда. Уже к сентябрю 1981 г. в строительных подразделениях Каршистроа по методу бригадного подряда работало 109 бригад¹⁹. Еще в 1977 г., например, смежными профессиями здесь овладели 239 человек. Путем индивидуального обучения было подготовлено 1240 рабочих, бригадного — 240, повысили свои разряды и классность 2105 человек.

Подготовка квалифицированных рабочих за 1971—1981 гг. увеличилась более чем в два раза, в том числе путем индивидуального обучения — в 5,5 раза²⁰.

Все больше рабочих, имеющих среднее образование или профессию, продолжают учиться, осваивать передовые достижения науки и культуры. Они занимаются на вечерних отделениях вузов, техникумов, в школах рабочей и сельской молодежи. Так, уже в 1969 г. только в Каршинском политехникуме заочно обучалось 404 человека²¹. Тогда же более 150 человек заочно учились в общеобразовательных средних школах, 134 — в техникумах, 54 — в вузах²². В 1975 г. общее число студентов заочных отделений вузов и средних учебных заведений достигло 397 человек²³. В 1983 г. выпуск специалистов с заочного отделения Каршинского политехникума составил 243 человека²⁴.

Важным итоговым показателем роста культурно-технического и профессионального уровня строителей и освоителей целины является их творческая активность, вклад в научно-технический прогресс.

Еще в 1967 г. в управлении Каршистроа и всех его подразделениях было организовано 17 первичных организаций — советов ВОИР. Общее число рационализаторов составило 370 человек²⁵. Их деятельность дала ощутимый эффект. Так, в 1967 г. новаторы Каршистроа стали авторами 24 рацпредложений, из них внедрены были 21 с экономическим эффектом 140 830 руб. А в 1977 г. техническим творчеством там занималось более 1200 рабочих и инженерно-технических работников, объединенных в 80 первичных организациях ВОИР. В 1976 г. новаторы управления внедрили 86 рацпредложений с общим экономическим эффектом 893,2 тыс. руб.²⁶, а в 1977 г. было внедрено еще более 80 рацпредложений с общим экономическим эффектом около 1 млн. руб.

Таким образом, за истекший период в районах целинной зоны Каршинской степи проделана большая работа по подготовке и повышению профессионального и культурно-технического уровня строителей и освоителей целинных земель, что во многом способствовало успешному освоению Каршинской степи, созданию здесь нового крупного района орошаемого земледелия, социально-экономическому развитию данного региона в целом.

Ю. Манзаров

¹⁵ По данным Каршинского учкомбината.

¹⁶ По данным Каршистроа.

¹⁷ Текущий архив Главсредазирсовхозстроа, оп. 1, д. 3200, л. 169.

¹⁸ Текущий архив Каршистроа.

¹⁹ Текущий архив управления Каршистроа.

²⁰ По данным управления Каршистроа.

²¹ ЦА ВЛКСМ, ф. 1, оп. 36, д. 72, л. 9.

²² Там же, д. 146, л. 39.

²³ Коммунист Узбекистана, 1976, № 5, с. 59—60.

²⁴ По данным Каршинского политехникума.

²⁵ ЦГА УзССР, ф. Р-2743, оп. 1, д. 971, л. 264.

²⁶ Текущий архив управления Каршистроа.

НОВОЕ В НАУКЕ: ПОИСКИ, ОТКРЫТИЯ, НАХОДКИ

КЛАССИФИКАЦИЯ КЕРАМИКИ ЧУСТСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ

В изучении истории дописьменной эпохи наряду с другими вещественными фактами основным источником, как известно, служит керамика как наиболее массовый археологический материал. Поэтому исследователи уделяют большое внимание изучению керамических комплексов, которые систематизируются по определенным критериям.

Таким образом, важным этапом в изучении керамики является классификация¹. Но вопросы классификации керамики еще недостаточно разработаны. Каждый исследователь, исходя из специфики изучаемой керамики, применяет свои методы исследования. Отсюда и различные принципы классификации керамики.

К настоящему времени достигнуты определенные успехи в изучении керамики чустской культуры, однако отдельные вопросы ее классификации требуют дальнейшего исследования. Здесь мы попытаемся построить классификацию этой керамики с учетом единой методики и новых разработок, имеющих в данной области. С этой целью использованы материалы раскопок 1974, 1982—1983 гг., а также данные В. И. Спришевского.

Вопросами методики обработки чустской керамики занимались Ю. А. Заднепровский, В. И. Спришевский. Впервые керамику Чустского поселения исследовал М. Э. Воронец, датировавший ее III—II тыс. до н. э.² В последующие годы керамику памятника изучал В. И. Спришевский, собравший в 1953—1961 гг. большую коллекцию керамических изделий. В его работах мы находим три варианта классификации чустской керамики.

Первоначально он по обработке поверхности керамики делил ее на группы: с красным ангобом и лощением; без ангоба и лощения; расписная³. В дальнейшем В. И. Спришевский уделил основное внимание технике изготовления сосудов, описал 35 форм посуды Чустского поселения, сгруппировав ее по функциональному назначению:

- 1) посуда «парадная» — лощеная и расписная;
- 2) посуда «кухонная»;
- 3) большие круглодонные и плоскодонные толстостенные сосуды для хранения жидкостей и зерна;

4) сосуды неясного назначения⁴.

Позднее же, учитывая опыт работ на Дальварзине, он предложил более усовершенствованную классификацию, выделив четыре типа:

- 1) залощенная с красным ангобом;
- 2) залощенная с красным ангобом и расписным орнаментом;
- 3) без лощения, ангоба и росписи;
- 4) кухонная⁵.

Ю. А. Заднепровский предложил другую методику обработки керамики, которая успешно применена и к материалам Чустского поселения. Разработка этой методики была начата Ю. А. Заднепровским еще в первых его работах на городище Эйлатан в 1952 г. За основу классификации он взял обработку поверхности, состав теста и морфологические особенности керамики. Керамику древнего периода Ферганы по внешним признакам Ю. А. Заднепровский разделил на типы, а типы — на формы⁶. Он одним из первых использовал приемы количественного учета керамики для сравнения соотношения типов (позднее — групп). Подсчет керамики впервые осуществлен на городище Эйлатан⁷. В дальнейшем сравнительно-типологический метод с использованием количественного подхода был усовершенствован им, особенно в ходе многолетних исследований на Дальварзине и Шурабашате.

Классификация Ю. А. Заднепровского основывается на составе массы, способе изготовления, отделке поверхности керамики; учитываются также морфологические особенности и предполагаемое назначение. Типология состоит из четырех таксономических единиц: группа — класс — тип — вид⁸. Такая классификация позволяет сопоставить имеющиеся керамические комплексы, несколько памятников на уровне четырех таксономических единиц, что дает наиболее плодотворные результаты в сравнительном изучении памятников.

Однако в полном виде эта классификация еще не опубликована, а лишь кратко изложена в автореферате докторской диссертации. Нам удалось ознакомиться с данной методикой на практике, в ходе совместных работ на Ошском и Чустском поселениях и на Чаянтепа.

¹ См.: Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А. Анализ археологических источников (Возможности формализованного подхода). М., 1975, с. 10.

² Воронец М. Э. Археологические исследования Института истории и археологии и Музея истории АН УзССР на территории Ферганы в 1950—1954 гг. — Труды Музея истории Узбекской ССР, вып. II, Ташкент, 1954, с. 53—56.

³ Спришевский В. И. Чустская стоянка эпохи бронзы (раскопки 1953 года). — Советская этнография, 1954, № 3, с. 70—71.

⁴ Спришевский В. И. Чустское поселение эпохи бронзы (раскопки 1955 г.). — КСИИМК, 1953, вып. 71, с. 91—92.

⁵ Спришевский В. И. Чустское поселение (К истории Ферганы в эпоху бронзы). Автореферат канд. дисс. Ташкент, 1963, с. 9; его же. Керамика, бронзовые и каменные изделия Чустского поселения (Археологический фонд). В сб.: Слово памятникам истории и культуры, Ташкент, 1973, с. 103—106.

⁶ Заднепровский Ю. А. Древняя Фергана. Автореферат канд. дисс. Л., 1954, с. 7—10.

⁷ Заднепровский Ю. А. Городище Эйлатан (К вопросу о датировке памятника). — Советская археология, 1960, № 5, с. 39—40.

⁸ Заднепровский Ю. А. Чустская культура Ферганы и памятники раннежелезного века Средней Азии. Автореферат докт. дисс. М., 1978, с. 27.

В процессе работ нами использованы исследования керамики Ферганского региона и других районов⁹.

Для классификации нами привлечены около 35 тыс. фрагментов керамики и все имеющиеся целые формы.

Первоначально, в полевых условиях, керамика фиксируется по слоям и по хозяйственным ямам. По мере возможности сходные обломки (по толщине, составу, цвету) объединяются и подсчитываются. Сначала по технологическим признакам выделяется группа; их в Чустском поселении — пять. Технологические признаки обуславливают особенности состава глины, цвет поверхности и способ обработки ее (т. е. цвет черепка, наличие или отсутствие лощения и росписи).

По группам керамика Чустского поселения за три сезона (1974, 1982—1983) распределяется следующим образом:

- 1) с красной облицовкой — 7131 (29,4%);
 - 2) с красной облицовкой с росписью (расписная) — 169 (0,7%);
 - 3) с белой облицовкой — 10 151 (41,3%);
 - 4) кухонная — 5852 (23,8%);
 - 5) толстостенная — 1172 (4,8%);
- итого — 24 475.

В отличие от материала с Дальварзина и Ошского поселения, на Чусте более 40% керамики составляет 3-я группа (с белой облицовкой), которая по количеству почти сравнивается с красноангобированной керамикой Дальварзина. Впервые она была выделена на Чусте в качестве отдельной группы в 1974 г., а в последующие годы в целях более детального изучения она подразделялась на две группы: толстостенная и тонкостенная. Эта керамика отнесена В. И. Спришевским к группе без лощения, ангоба и росписи (т. е. 3-я группа по его классификации). Нами также выделена группа толстостенной керамики, на долю которой на Чусте приходится около 5% всего керамического комплекса. Весьма незначительную долю составляет расписная керамика. В этом отношении Чустское поселение заметно уступает другим памятникам Восточной Ферганы (Дальварзин, Ош). Например, на Ошском поселении обнаружено свыше 1000 фрагментов расписной керамики, или 6% общего количества керамики, что намного больше ее объема (около 500 экз.), выявленного на Чусте за весь период его изучения. Отметим и отсутствие черно-серолащенной керамики, встреченной в Дальварзине¹⁰.

Следует подчеркнуть, что количественный подсчет при изучении чустской керамики ведется регулярно, с учетом всех находок, тогда как некоторые исследователи практикуют некий способ «выборки», учитывая лишь венчики и иногда донца; порою процентные отношения исчисляются по незначительным коллекциям, что может дать искаженную картину. В литературе уже имеются работы, касающиеся применения процентных соотношений. Так, И. А. Писларий и В. Ф. Пожидаев¹¹ предложили формулу для проверки достоверности количественных подсчетов материала. Она выглядит следующим образом:

$$P \pm 1,96 \sqrt{\frac{P \cdot (1 - P)}{n}},$$

где: P — эмпирическое значение коэффициента;

n — количество материала, по которому подсчитан процент;

1,96 — коэффициент, соответствующий уровню достоверности 95%.

Используя наши подсчеты и предложенную выше формулу, представляется возможным определить степень доверительного интервала (достоверности этих подсчетов). Например, керамика с красной облицовкой составляет 7131 экз. (29,4%), отсюда получим:

$$0,294 \pm 1,96 \sqrt{\frac{0,294 \cdot (1 - 0,294)}{7131}} = 0,294 \pm 0,10579,$$

или 30,45—28,34%. Таким образом, доверительный интервал для I группы керамики — 2,11%, т. е. в первой группе допускается до 3% неточности от общего количества керамики. По остальным группам получится:

⁹ Матюшин Г. Н. К вопросу об основных принципах единой таксономической системы и применения ЭВМ в археологии.— Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 года в СССР. Ташкент, 1973, с. 70—73; его же. О методах классификации массового инвентаря памятников каменного века (верхний палеолит—энеолит).— В сб.: История материальной культуры Узбекистана, вып. 12, Ташкент, 1975, с. 38—60; Хлебникова Т. А. Гончарное производство волжских болгар X—начала XIII вв.— Труды Куйбышевской археологической экспедиции, т. 4. Материалы и исследования по археологии СССР (МИА), № 111, М., 1962, с. 93—153.

¹⁰ Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы.— МИА, вып. 118. М.—Л., 1962, с. 27, табл. 3.

¹¹ Писларий И. А., Пожидаев В. Ф. О применении метода процентных соотношений.— В сб.: Методологические и методические вопросы археологии, Киев, 1982, с. 178—187.

для кухонной керамики — 24,89—22,70%;
 для керамики с белой облицовкой — 42,45—40,39%;
 для толстостенной керамики — 6,02—3,57%.

При небольшом количестве расписной керамики даже можно установить минимальное количество сосудов и нет сомнений, что эта группа даст реальные цифровые данные. Использованный метод показывает, что приведенные выше цифровые данные достаточно отражают реальную действительность.

Дальнейшие этапы классификации связаны с конкретными формами керамики данного памятника. Формы, взятые для классификации, учитывают совокупность ряда признаков (тип, вариант). При отборе их возникли некоторые сложности: имеется несколько чаш с плоским дном и отогнутым венчиком, очень близких друг к другу. В таких случаях бралась некая средняя форма, в которой содержатся те и другие признаки. Кроме технологических признаков и количественных подсчетов, учитывались и другие показатели:

- 1) степень отогнутости венчика, стенки сосуда (вогнутый, отогнутый, прямой и т. д.);
- 2) оформление донца сосуда (круглодонный, плоскодонный, на поддоне и т. д.);
- 3) общие размеры сосудов и пропорции. Этот признак устанавливается путем измерения (диаметр венчика — d_v , диаметр донца — d_d , высота — h ; иногда наибольший диаметр тулова — d_T).

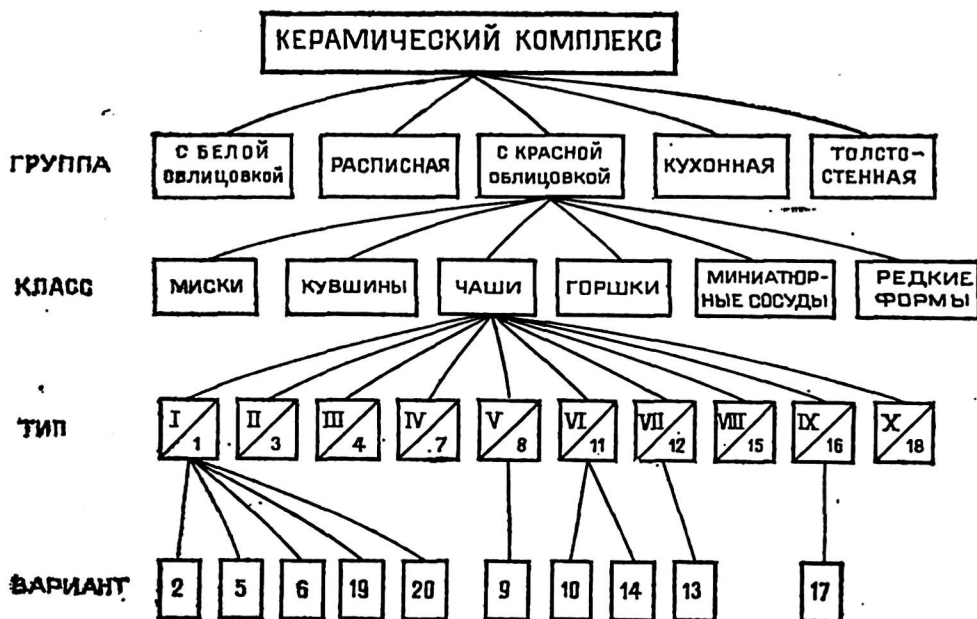

Рис. 1. Схема классификации керамического комплекса с Чустского поселения (на примере чаш).

Внутри группы по функциональному назначению и морфологическим особенностям выделялись классы (чаши, горшки, кувшины и т. д.). Они, в свою очередь, делятся на типы, которые отличаются друг от друга по оформлению венчика, донца, тулова и размера. Внутри типа выделяются варианты. Они учитывают незначительные и дополнительные детали (ручка, слив, носик и т. д.) различия (см. рис. 1).

В целом в группе керамики с красной облицовкой выделяется несколько классов. В качестве примера приводим типологию класса чаш.

Класс чаш. В основном встречены с красной облицовкой, расписной и с белой облицовкой.

I тип. Круглодонные чаши с прямым или слегка вогнутым венчиком, встречаются разные по размеру формы, отмечено 5 вариантов, которые отличаются по оформлению венчика, размеру (рис. 2, 2, 5) и с дополнительными особенностями — трубчатым и сосковидным носиком-сливом (рис. 2, 6; 19, 20).

II тип. Круглодонная чаша с прямыми стенками со слегка отогнутым приотстренным венчиком (рис. 2, 3).

III тип. Чаша круглодонная, большого размера с сильно вогнутым венчиком (рис. 2, 4).

IV тип. Чаша плоскодонная почти с прямым венчиком (рис. 2, 7).

V тип. Плоскодонная чаша с сильно вогнутыми стенками и закругленными венчиками (рис. 2, 8). Имеется вариант этого типа со слабо выделенным донцем (рис. 2, 9).

VI тип. Чаша плоскодонная с отогнутым и выделяющим венчиком (рис. 2,

11). Имеются два варианта: первый с прямыми стенками, венчик слегка выделен и отогнут (рис. 2, 10), второй имеет заметные плечки и выделенный, отогнутый венчик (рис. 2, 14).

VII тип. Чаша с плоским дном и отогнутым венчиком, выделяется небольшое донце (рис. 2, 12). Имеется вариант (рис. 2, 13).

VIII тип. Чаша плоскодонная, со слегка вогнутыми стенками, слабо выраженным донцем (рис. 2, 15).

IX тип. Чаша плоскодонная с выделенным венчиком и поддоном, напоминающая современные «пиалы» (рис. 2, 16). Вариант этого типа отличается небольшими размерами и более вытянутой формой (рис. 2, 17).

X тип. Чаша приземистая, плоскодонная с желобчатым носиком-сливом (рис. 2, 18).

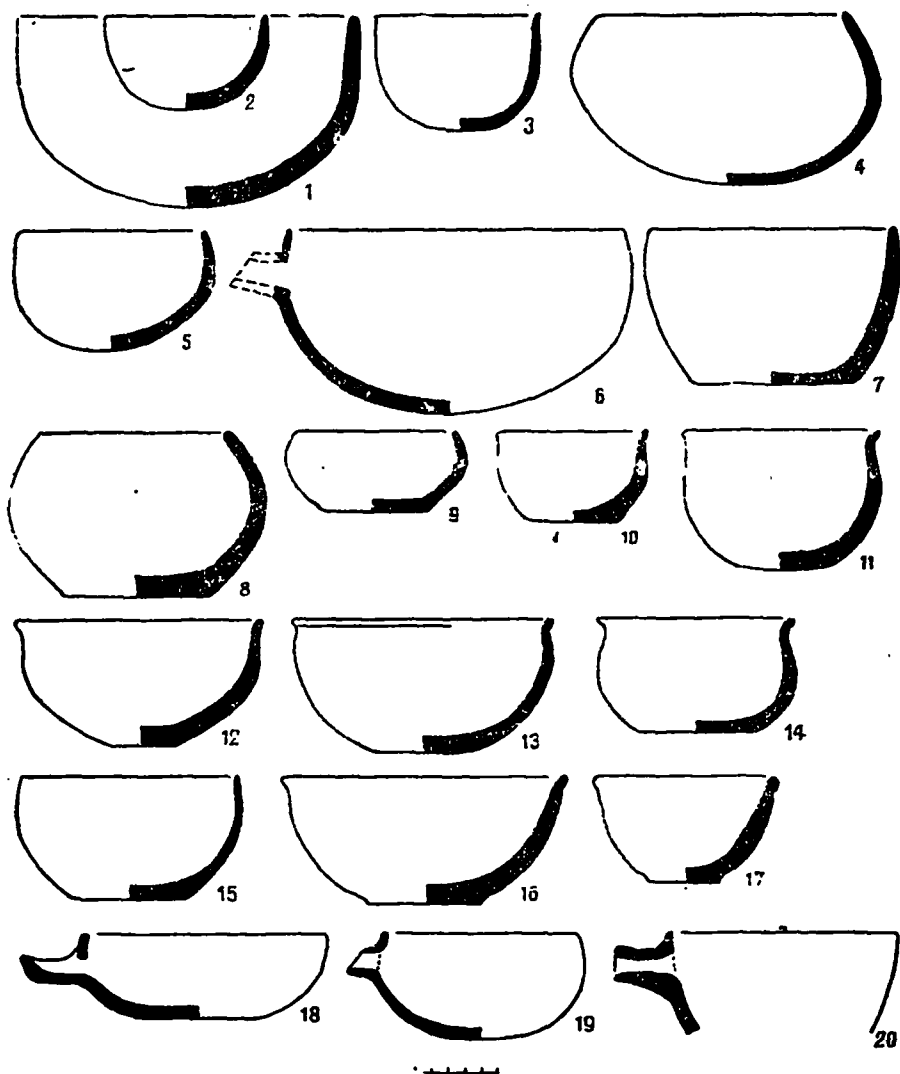

Рис. 2. Виды чаш с Чустского поселения.

В итоге по классу чаш выделено 10 типов и 10 вариантов. Определяющим признаком служила пропорция, причем диаметр венчика больше высоты: $d_v > h$.

Материалы Чуста показывают, что наиболее распространены были круглодонные чаши (I тип и его варианты). Об этом говорит и наличие разных размеров круглодонных чаш (с диаметром венчика от 9 до 21 см).

Таким образом, классификация керамики Чустского поселения показывает, что набор ее был довольно богат. Это свидетельствует о специализации и выделении ремесленников-гончаров даже в пределах изучаемого памятника. Видимо, каждая группа керамики имела определенный набор форм. Дальнейшее совершенствование классификации керамики, безусловно, будет способствовать более глубокому изучению этого наиболее массового археологического материала.

Б. Х. Магбабаев

ПРЕДМЕТЫ МАЛОГО ИСКУССТВА ИЗ КАМПЫРТЕПА

Кушанское городище Кампыртепа находится на территории совхоза «Искра» Гагаринского района Сурхандарьинской области УзССР, на правом берегу Амударьи. Впервые оно было обследовано в 1972 г. по программе работ Узбекстанской искусствоведческой экспедиции Э. В. Ртвеладзе, который на основе сопоставления сведений письменных источников и археологических материалов высказал предположение, что это городище соответствует античному местечку Пардагви, упомянутому историком и географом XV в. Хафиз-и Аbru¹.

С весны 1982 г. УзИскЭ проводит стационарные археологические раскопки на Кампыртепа. Среди найденных предметов большой интерес представляют несколько объектов малого искусства.

1. Головка женского божества (?) (рис. 1, в). Найдена на крепостной стене в юго-западном углу городища. Это высокохудожественное произведение искусства,

Рис. 1. а — калыб; б — оттиск с него; в — головка женского божества; г — статуэтка ногой богини.

отличающееся тщательной проработкой деталей. Лицо овальное, несколько удлиненное, с припухлыми, слегка улыбающимися губами. Глаза миндалевидные, удлиненные, с косым разрезом и хорошо выраженными зрачками. Брови широкие, вразлет. На лбу сердцевидное украшение, повернутое острием вверх. Прическа с аккуратно уложенными волнистыми прядями, уши прикрыты, на щеки выходит по одному спиралевидному завитку. Голову венчает небольшая шапочка. Выше ее охватывает, возможно, покрывало, стянутое у шеи. Материал — терракота кирпичного цвета из хорошо отмученной глины с добавлением песка, поверх нанесен тонкий слой красной краски.

Изображения женского божества с подобной прической и завитками на щеках встречены в росписях Дильберджина², Мирана и Хотана³. Аналогичные завитки волос имеются у скульптурной головы знатной дамы из буддийского святилища ДТ-9

¹ Ртвеладзе Э. В. К локализации «греческой» переправы на Оксе. — Вестник древней истории, 1977, № 4, с. 182.

² Кругликова И. Т. Настенные росписи Дильберджина. — В кн.: Древняя Бактрия, М., 1976, с. 97, рис. 56.

³ Bussagli M. La peinture de l'Asie Centrale. Rome, 1963, p. 56.

на Дальверзинтепа⁴, а также у головки-налепа из Бараттепа⁵, датируемых I в. н. э. Ближе всех к кампыртепинской головке по эллинистической манере исполнения прически стоит находка из Бараттепа, но черты лица нашего объекта похожи на азиатские. Датируется, вероятно, I в. н. э.

II. Обнаженная богиня (рис. 1, г). Найдена в завале помещения 5 на цитадели, в слое, датированном концом I—II в. н. э. Статуэтка сохранилась почти полностью, утрачены некоторые черты лица, частично кисть левой руки и ступня левой ноги.

Фигурка женщины объемна, передана в высоком рельефе. Изображение фронтальное. Руки вытянуты вдоль туловища и прижаты ладонями к широким бедрам, ноги сомкнуты. Лицо округлое. На голове тюрбан. Местами на терракоте сохранились следы красной краски. Размеры: 16,8×5,5×4,4 см. Изготовлена из плотной светло-желтой глины. Отгиск сделан с матрицы и подправлен ножом с тыльной и боковых сторон с подрезкой вдоль всех линий фигуры.

Верхний хронологический рубеж бытования терракот подобного типа на территории Средней Азии, Афганистана, Пакистана, а также селевкидо-парфянской Селевкии относится к III—II вв. до н. э.⁶ В то же время С. П. Толстов и М. Г. Воробьева упоминают о наличии в Хорезме терракот обнаженной богини в слоях I—II вв. н. э.⁷ В слоях того же времени встречены терракоты с городища Зартепа и Тепаншах в Бактрии⁸. Таким образом, возможно, что и в Бактрии верхний хронологический рубеж бытования этих фигурок относится к тому же времени, хотя не исключено переотложение нашей статуэтки из более ранних слоев.

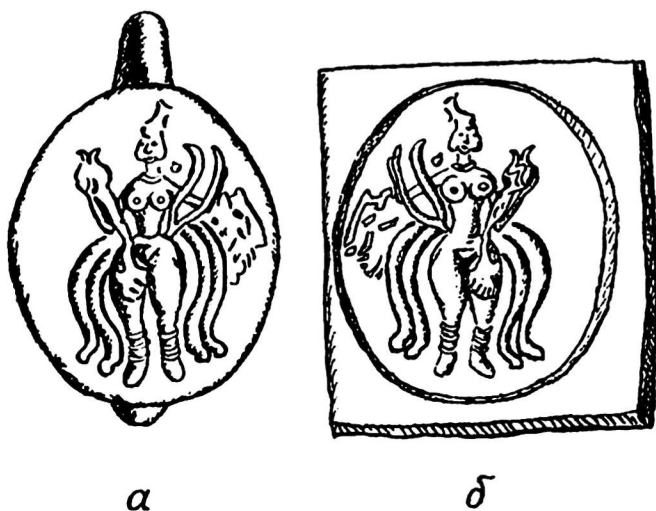

Рис. 2. Бронзовый перстень-печать (прорисовка). а — шиток печати с изображением ногой богини на троне(?); б — оттиск с печати.

III. Бронзовый перстень-печать (рис. 2). Найден в восточной части помещения 5 на завале стены, в слое II в. н. э., возможно, датируется временем Хувишки. Шиток овальной формы, 16×18,5 мм. На лицевой стороне — углубленное изображение. Печать, видимо, часто использовалась по прямому назначению, вследствие чего кольцо с обратной стороны сильно прогнулось и не могло надеваться на палец. На оттиске в выпуклом рельефе видно нагое женское божество в фас, полусидящее на троне. Ножки трона, по две с каждой стороны, отходят из-за пояса богини, верх левых ножек оформлен лохматой головой какого-то животного, возможно льва. Фигура женщины выполнена в типично индийской манере. Лицо с полными щеками и высокой прической. Шею охватывает кольцевое ожерелье. Над левым плечом маленький шарик. Выпуклая грудь с выступающими сосками. Плавно скользящая линия туловища, переходя в узкую талию, резко изламывается, очерчивая крупные бедра. Правая нога полусогнута или выставлена вперед. На голених обеих ног по

⁴ Пугаченкова Г. А., Тургунов Б. А. Буддийское святилище в загородной зоне. — В кн.: Дальверзинтепе — кушанский город на юге Узбекистана, Ташкент, 1978, с. 95, рис. 66-з.

⁵ Пугаченкова Г. А. Новые данные о художественной культуре Бактрии. — В сб.: Из истории культуры Узбекистана, Ташкент, 1973, с. 114, рис. 29.

⁶ Пугаченкова Г. А. Маргианская богиня. — Советская археология, т. XXIX/XXX, 1959, с. 135; Invernizzi A. Problemi di coroplastica Tardo Mesopotamica. *Estato di Mesopotamia III—IV. Torino, 1968—1969, fig. 139, 144, p. 286, 289.*

⁷ Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948, с. 199, табл. 74; Воробьева М. Г. Античные традиции в памятниках искусства и художественного ремесла древнего Хорезма (по материалам коропластики). — В сб.: Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока, М., 1978, с. 235.

⁸ Литвинский Б. А., Седов А. В. Тепаншах. Культура и связи кушанской Бактрии, М., 1983, с. 23—26.

три браслета. Левое бедро прикрыто какой-то драпировкой (?). Правой рукой, согнутой в локте и отставленной в сторону на уровне груди, богиня придерживает двойную ветвь, основание которой покоится на верхней части правого бедра. В левой руке — предмет, похожий на рог изобилия, нижняя часть его соприкасается с лоном женщины. Последнее подчеркнуто выпуклым треугольником.

Подобное женское божество на печатах кушанского времени, насколько нам известно, встречено в Средней Азии впервые. Судя по манере изображения, — это, скорее всего, божество индуистского пантеона. Так, на некоторых монетах эпохи Гуптов Индии имеется изображение стоящей или сидящей на троне обнаженной богини⁹ Лакшми, по обе стороны которой находятся слоны. На других монетах тоже изображена богиня на троне, но с плодами в руках⁹.

Вместе с тем изображения облаченных в одежды богинь на троне или на животных часто встречаются на геммах и монетах кушанского времени. Это Нана, сидящая на льве, на италии «Фрихвадева»¹⁰ и на гемме из Британского музея¹¹, богиня Ордохшо на монетах Хувшики и Канишки III. Аналогичное изображение, видимо, представлено на индо-парфянских монетах Азеса¹². На печати из Дальварзинтепа (ДТ-9) — богиня верхом на быке, в правой руке у нее ветка, в левой — рог изобилия¹³. В настенных росписях одного из храмов Дильберджина есть изображение Шивы и ногой Парвати, сидящих на быке¹⁴. На монетах Чандрагупты I изображена богиня на льве с рогом изобилия в левой руке. Культ богини Парвати — жены Шивы, имеющей множество персонификаций, широко почитался в Индии¹⁵.

Нам представляется, что изображение богини на печати из Кампыртепа схоже в ряде деталей с иконографией Парвати и частично богинь Ордохшо, Наны и Оммо, носящих схожие функции.

IV. Калыб (рис. 1, а, б). Найден на цитадели, в верхнем слое помещения 17, в 15 см от дневной поверхности. Датируется, возможно, II в. н. э., или, точнее, временем Хувшики. Размеры калыба: 132×78×56 мм, размеры оттиска: 120×65×50 мм. Калыб предназначался для получения рельефных оттисков мужской головы в фас. Возможно, оригиналом для матрицы послужила небольшая скульптура из мрамора или бронзы. На оттиске — образ пожилого полного мужчины с несколько повернутой вправо головой. У него прямой нос. Глаза без зрачков, правая бровь слегка приподнята. Лицо обрамлено волосами с уложенными короткими завитками. Матрица из терракоты светло-бежевого цвета.

Находка не имеет аналогий в памятниках античного искусства Средней Азии. Эта голова «римского типа» имеет сходство в прическе с фаюмскими портретами I в. н. э.¹⁶ и с божеством Фарро в росписях Фаязтепа¹⁷.

Рассмотренные памятники из Кампыртепа дают новые материалы для характеристики произведений малого искусства кушанской Бактрии и отражают влияние на них местных, эллино-римских и индийских традиций.

С. А. Савчук

⁹ Rosenfield J. M. The Dinastic Arts of the Kushans. Univ. of California Berkeley and Los Angeles, 1967, fig. 274, 291.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Whitehead R. B. Catalogue of coins in the Panjab Museum, Lahore. Vol. I. Indo-Greek coins. Oxford, 1914, pl. XI.

¹³ Пугаченкова Г. А. Терракотовая печать из Дальварзинтепа. — В сб.: История и археология Средней Азии, Ашхабад, 1978, с. 83.

¹⁴ Кругликова И. Т. Настенные росписи Дильберджина, с. 97, рис. 56.

¹⁵ Бэшем А. Чудо, которым была Индия. М., 1977, с. 337—338; Темкин Э. Н., Эрман В. Г. Мифы древней Индии. М., 1982, с. 217.

¹⁶ Померанцева Н. А. Искусство Древнего Египта. — В кн.: Искусство Древнего Востока, сер. «Малая история искусств», М., 1976, с. 338.

¹⁷ Из раскопок Л. И. Альбаума; хранится в Музее истории народов Узбекистана, Ташкент (не опубликовано).

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

«МУНТАХАБ АТ-ТАВАРИХ» КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ СТРАН XVIII—XIX ВЕКОВ

Образование централизованного государства, развитие торговых связей с Россией и иные факторы способствовали тому, что культурная жизнь в Кокандском ханстве в XVIII—XIX вв. значительно оживилась. Как указывал В. В. Бартольд, в XIX в. в Кокандском ханстве можно видеть «более оживленную культурную деятельность, литературную (особенно в области историографии) и строительную, чем в Бухарском»¹.

В это время в Кокандском ханстве было создано немало исторических сочинений. К их числу относятся: «Хада'ик ал-анвар»² («Сады света») муллы Юнус шига-

¹ Бартольд В. В. Соч., т. II (I), М., 1963, с. 165.

² Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР (СВР АН УзССР). Т. I. Ташкент, 1952, с. 89; ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 596/II.

ул дадхаха. Сочинение посвящено истории Коканда периода правления Умар-хана (1224—1237/1810—1822) и Мухаммад Али-хана (1237—1258/1822—1842).

«Шах-наме-йи Умар-хани»³ («Умар-ханова царская книга») мирза Каландара Исфараги. Он был придворным чиновником Умар-хана, по распоряжению которого в 1237/1822—23 г. и написал свой труд. Как отмечает Н. Д. Миклухо-Маклай, это — «сделанный по приказу названного кокандского хана (Умар-хана.— Э. Х.) прозаический пересказ стихотворной хроники, посвященной его истории. Составил эту стихотворную хронику придворный поэт Мухаммада Умара — Фазли Намангани»⁴.

«Мир'ат ал-футух»⁵ («Зерцало побед») Тура ходжа, сына Зийа ад-дина ходжа Анджани. Сочинение написано в 1281/1864—65 г. Автор, по словам Л. Зимина, «задался целью восхвалить Алим-Кула, а так как тот был кыпчак, то, следовательно, в задачи автора входило восхваление и всего кыпчакского племени»⁶. Далее Л. Зимин резюмирует, что это сочинение «надо признать весьма важным источником для истории Кокандского ханства во время царствования Шир Али-хана, Худояр-хана (в первый раз) и Маля-хана»⁷.

«Хулосат ал-ахвол»⁸ («Краткая биография») Абу Убайдуллы Мухаммада, сына Султан ходжи. В основном это «сочинение представляет собой описание жизни и деятельности самого автора с раннего детства по 1865 г.»⁹

«Тухфат ат-таварих-и хани»¹⁰ («Ханский подарок историям») мулла Аваз Мухаммада, сына муллы Рузи Мухаммад Суфи Аттара. Это сочинение, известное также под названием «Та'рих-и джахан-наме» («Мир показывающая история») ¹¹, написано в 1286/1869—70 г. В нем «широко использованы»¹² труды среднеазиатских авторов.

«Та'рих-и Шахрухи»¹³ («Шахрухова история») мулла Нияз Мухаммада. Сочинение написано «по поручению кокандского хана Худайара в третье его правление»¹⁴, а именно в 1288/1871—72 г. По мнению Л. Зимина, это далеко не лучший ¹⁵ источник по истории Кокандского ханства. В. В. Бартольд также отмечает, что этот источник «далеко не лучший»¹⁶ и «далеко не самый ценный»¹⁷.

«Зафар-наме-йи Худайар-хани»¹⁸ («Книга о победах Худайар-хана») Абд ал-Гафура. Сочинение написано стихами.

«Ансаб ас-салатин ва таварих ал-хавакин»¹⁹ («Генеалогии султанов и истории хаканов») мулла Мирза Алима, сына домлы Мирза Рахима Ташканди. Сочинение написано в конце XIX в. на узбекском языке. События в основном посвящены правлению Ширали-хана (1258—1261/1842—1845) и Худайар-хана, т. е. доводятся до 1875 г.

Этот перечень охватывает зафиксированные известными каталогами сочинения, но отнюдь не исчерпывает все сочинения, написанные в Кокандском ханстве или посвященные ему. Там было создано и немало литературных сочинений, которые подробно описаны в книге А. Қаюмова «Кокандская литературная среда»²⁰.

Ведущее место среди сочинений кокандского круга занимает «Мунтахаб ат-таварих», написанное в 1258/1842—43 г. Еще Е. Каль писал: «Это объемистое историческое сочинение, малоизвестное ориенталистам и малораспространенное в Сред-

³ Миклухо-Маклай Н. Д. Описание персидских и таджикских рукописей Института востоковедения. Вып. 3. М., 1975, с. 322.

⁴ Там же, с. 323.

⁵ Зимин Л. Зерцало побед и его значение для истории Кокандского ханства.— ПЗСТКЛА, год 17-й, 1913, с. 31—38.

⁶ Там же, с. 37.

⁷ Там же, с. 38.

⁸ Урунбаев А. Неизвестная рукопись по истории Кокандского ханства.— Известия Академии наук УзССР. Серия общественных наук, 1957, № 3, с. 33—38; СВР АН УзССР, т. VI, Ташкент, 1963, с. 60; ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 2084.

⁹ Урунбаев А. Неизвестная рукопись..., с. 33.

¹⁰ Миклухо-Маклай Н. Д. Описание персидских и таджикских рукописей..., с. 329; ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 9455/1.

¹¹ Набиев Р. Н. Уникальный источник по истории Кокандского ханства.— Известия Академии наук УзССР, 1947, № 4, с. 31—34.

¹² Миклухо-Маклай Н. Д. Описание персидских и таджикских рукописей..., с. 329.

¹³ СВР АН УзССР, т. I, с. 90; Миклухо-Маклай Н. Д. Описание персидских и таджикских рукописей..., с. 331; ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 1787.

¹⁴ Миклухо-Маклай Н. Д. Описание персидских и таджикских рукописей..., с. 331.

¹⁵ Зимин Л. Зерцало побед..., с. 31.

¹⁶ Бартольд В. В. Соч., т. VII, М., 1971, с. 308.

¹⁷ Бартольд В. В. Соч., т. IX, М., 1977, с. 445.

¹⁸ СВР АН УзССР, т. I, с. 89; ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 598.

¹⁹ СВР АН УзССР, т. I, с. 90, 91; т. V. Ташкент, 1960, с. 51; т. VIII. Ташкент, 1967, с. 43; Валидов А. З. Восточные рукописи в Ферганской области.— Записки Восточного отделения Российского археологического общества, т. XXII, 1915, с. 303, 304; ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 1314, 3753, 7515, 9841.

²⁰ Қаюмов А. Қўқон адабий муҳити (XVIII—XIX асрлар). Тошкент, 1961.

ней Азии,— списки его очень редки — представляет в историческом отношении большой интерес ввиду того, что автор, в особенности для новейшей истории среднеазиатских ханств, является очевидцем или же участником описываемых им событий или же говорит со слов лиц, близко стоявших и принимавших участие в ходе исторических событий в Средней Азии»²¹.

А. А. Семенов считал мемуары Хаким-хана, «быть может, самым интересным произведением такого рода в персидской (персоязычной.— Э. Х.) литературе. Содержащиеся в этих мемуарах, исходящие от очевидца, сообщения о жизни народа и исторические сведения, вместе с впечатлениями автора о своем пребывании в Кокандском ханстве (не совсем точное утверждение.— Э. Х.), России, Персии, Бухаре и т. д. придают сочинению особую ценность»²².

В. В. Бартольд также рассматривал «Мунтахаб ат-таварих» как «едва ли не главное»²³ сочинение по истории Кокандского ханства.

Авторы истории Узбекской ССР, говоря о состоянии культуры в Кокандском ханстве начала XIX в., указывают, что в то время был написан ряд сочинений, посвященных истории Кокандского ханства, причем «среди них наиболее замечательными являются мемуары Хаким-хана-тюри, охватывающие первое сорокалетие XIX в. и являющиеся важным первоисточником по истории Ферганы»²⁴.

По мнению Н. Д. Миклухо-Маклая, для истории Бухарского и Кокандского ханства последней четверти XVIII в. и первой половины XIX в. настоящее сочинение «имеет значение ценнейшего источника; события этого периода описаны в сочинении автором на основании его личных наблюдений и устной информации, полученной от современников и очевидцев описываемых событий; для этого же периода сочинение содержит также ряд любопытных сведений и о событиях, происходивших в других районах Средней Азии и в некоторых соседних с нею странах (например, в Афганистане и Восточном Туркестане)»²⁵.

Если все упомянутые выше ученые подходят к «Мунтахаб ат-таварих» только как к историческому сочинению, то Х. Расул и М. Кадырова, подготовившие на основе его рукописного узбекского варианта издание отдельных частей путешествий автора «Мунтахаб ат-таварих»²⁶, видят в этом труде прежде всего литературный памятник, разумеется, не игнорируя и его историческую значимость. Так, они указывают, что данные автора «о политических событиях своего времени, о видных государственных деятелях прошлого, об известных ученых, о поэтах и поэтессах, о жизни и творчестве писателей дают чрезвычайно важный материал для нашей (узбекской.— Э. Х.) литературы»²⁷.

Как пишут Х. Расул и М. Кадырова, автор «Мунтахаб ат-таварих» не только сообщает важные биографические сведения о таких известных поэтессах, как Зебунисо, Фахриннисо и Надира, но и приводит образцы из их стихов.

Автор «Мунтахаб ат-таварих», Мухаммад Хаким-хан родился около 1217/1802—3 г. в знатной кокандской семье. Со стороны матери он был внуком кокандского правителя Нарбута-хана (1184—1215/1770—1800) и племянником его преемника Алим-хана (1215—1224/1800—1810). Отец автора, саййид Ма'сум-хан происходил из потомков знаменитого суфийского шейха Махдум-и А'зама, известного также как Ахмад Хаджаги Қасани (ум. в 949/1542—43 г.) Саййид Ма'сум-хан был шейх ал-исламом при кокандском правителе Мухаммад Умар-хане.

Сочинение Хаким-хана относится к типу всеобщих историй. Хронологические рамки его охватывают период от «сотворения» мира до середины XIX в. Сочинение делится на так называемую компилятивную и оригинальную части. При этом в первой части также содержится немало оригинальных фактов. «Мунтахаб ат-таварих» состоит из пяти частей (баб), пятая часть делится на 12 отделов (таифа), очень неодинаковых по объему: половину всего сочинения занимает 12-й отдел, посвященный истории Кокандского ханства с начала XVIII до середины XIX в.

В рукописохранилищах СССР имеется 11 списков этого оригинального сочинения, из них шесть в ИВ АН УзССР — четыре на персидско-таджикском и два на узбекском языке²⁸. Оригинал является персидско-таджикский вариант. Самым уникальным и ценным из них считается список № 592 (677 л.).

Приводим содержание глав: вступление автора (л. 16), часть первая — Об истории и явлении знаменитых пророков (л. 2а), часть вторая — Упоминание о персидских царях (л. 18а), часть третья — Упоминание о китайских и европейских маляках (л. 42а), часть четвертая — Упоминание об обстоятельствах халифов (л. 44а), часть пятая — Об истории правителей, которые правили с периода Аббасидского ха-

²¹ Каль Е. Персидские, арабские и тюркские рукописи Туркестанской Публичной библиотеки. Ташкент, 1889, с. 60, 61.

²² Цит. по: Стори Ч. А. Персидская литература. Био-библиографический обзор. В трех частях. Ч. II. М., 1972, с. 1189.

²³ Бартольд В. В. Соч., т. VII, с. 308.

²⁴ История Узбекской ССР. Т. I. Кн. 2. Ташкент, 1956, с. 71.

²⁵ Миклухо-Маклай Н. Д. Описание персидских и таджикских рукописей..., с. 326.

²⁶ Хакимхан. Хотиралар. Тошкент, 1966.

²⁷ Там же, с. 15.

²⁸ Ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 592, 593, 594, 595, 596/1, 1560.

лифата до настоящего времени (т. е. до середины XIX в.), а их суть двенадцать династий: первая — Саффариды (л. 58а), династия вторая — Саманиды (л. 58б), династия третья — Дейламиды (л. 63а), династия четвертая — Газневиды (л. 64а), династия пятая — Сельджукиды (л. 66б), династия шестая — Хорезмшахи (л. 69а), династия седьмая — Чингизиды (л. 79а), династия восьмая — Тимуриды (л. 92а), династия девятая — Шайбаниды (л. 142б), династия десятая — Аштарханиды (л. 160а), династия одиннадцатая — Мангиты (л. 187а), династия двенадцатая — Минги (л. 328а).

Оригинальными являются разделы, посвященные последним двум династиям. Первый из них содержит последовательную и подробную историю Бухары периода Мангитов, т. е. от Мужаммад Рахима (1753—1758) до эмира Насруллы (1827—1860). Таким образом, это сочинение представляет собой ценный первоисточник по истории Бухарского эмирата. Еще в середине XIX в. Г. Вамбери писал: «Наши сведения о судьбе других стран Азии в последнем столетии становятся все подробнее и достовернее; с Трансоксаниею же происходит совсем противное. По мере того, как мы приближаемся к настоящему времени, туман, окутывающий тамошнее безотрадное положение, становится все гуще и гуще... Этот мрак больше всего покрывает подробности той эпохи, к которой относится окончательное падение Аштарханидов и возвышение племени Мангит»²⁹. И это отнюдь не мнение лишь одного ученого, поскольку оно отражает общее состояние данного вопроса. Об этом свидетельствуют и слова Л. Зимина: «История среднеазиатских ханств Бухарского, Кокандского и Хивинского в XVIII и XIX веках принадлежит к числу наименее разработанных отраслей истории Востока, что, по справедливому мнению пр. В. В. Бартольда, высказанному в статье, помещенной в Кауфманской сборнике, «объясняется не отсутствием источников, а равнодушием исследователей»³⁰.

Хотя после этого прошло более ста лет, положение в целом мало изменилось, ибо история Мангитов известна лишь в общих чертах, что обуславливается отсутствием переведенных источников. Так, при наличии немалого числа оригинальных хроник переведено всего одно сочинение, да и то, как указывает исполнитель этой работы Л. М. Епифанова, «в основной своей части посвящено одному из важнейших периодов истории Средней Азии — присоединению ее к России»³¹. В «Мунтахаб ат-таварих» же излагается подробная история Мангитов на протяжении ста лет, т. е. события как раз подводятся к тому времени, с которого начинается «Тарих-и салатин-и мангитийа».

Раздел, касающийся 12-й династии, посвящен истории Кокандского ханства с начала XVIII до середины XIX в., что составляет, как уже сказано, половину всего сочинения. Изложение истории Кокандского ханства в «Мунтахаб ат-таварих» начинается с 1709 г., когда небольшое Кокандское владение Мингов обособляется от Бухары и постепенно превращается в самостоятельное ханство. В это время его границы на юге уже простираются до Джизака, на западе — за пределы г. Туркестана, на севере были покорены все киргизы и власть кокандских ханов распространяется до оз. Балхаша и р. Или, а на востоке сильное влияние оказывается на Кашгарию. Завершается история Кокандского ханства временем правления Ширали-хана.

Таким образом, в общей сложности дается подробное и последовательное изложение почти 150-летнего периода истории этого государства. При этом именно наиболее неизвестной ее части. Как писал еще В. А. Ромодин, в настоящее время особенно «слабо изученной остается история кокандского владения Мингов в XVIII столетии. Это видно уже из того, что до сих пор не установлена даже хронология кокандских правителей XVIII в., которая в существующих справочных сводных трудах Стэнли Лэн-Пуля и Цамбаура остается белым пятном. Мало того, до сих пор нет полной ясности и в отношении хронологии более поздних событий, происходивших в Кокандском ханстве в начале XIX в., и годы правления Алим-хана и Омар-хана точно не определены»³².

Однако значимость «Мунтахаб ат-таварих» как источника выходит далеко за пределы истории Бухары и Коканда, поскольку в нем даются ценные и оригинальные сведения по истории Уратепинского владения, Шахрисабзского, Гиссарского, Каратегинского и Кулябского бекств. «Мунтахаб ат-таварих», как ни одно другое сочинение, содержит обильный оригинальный материал о положении народных масс в Бухарском эмирате и Кокандском ханстве. Так, автор дает подробное изложение восстания китай-кипчаков в Бухарском эмирате в 1821—1825 гг. Как пишет А. Мухтаров, еще «большой интерес представляют сообщения Хакимхана о народных волнениях на территории Кокандского ханства... Хакимхан являлся также очевидцем массового восстания жителей крепости Ям, которое произошло примерно в 1828 г.»³³

²⁹ Вамбери Г. История Бухары или Трансоксании. Т. 2. СПб., 1873, с. 115, 116.

³⁰ Зимин Л. Зерцало побед..., с. 31.

³¹ Мирза Абдал'азим Сами. Тарих-и салатин-и мангитийа. М., 1962, с. 7.

³² Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. I. М., 1973, с. 224—225.

³³ Мухаммед Хакимхан. Мунтахаб ат-таварих (Подготовка факсимильного текста, введение и указатели А. Мухтарова). В 2 книгах. Кн. 1. Душанбе, 1983, с. 23.

Немаловажное место в «Мунтахаб ат-таварих» занимает географическая часть, которая представляет собою описание путешествий автора в Россию и страны Востока. Как пишет Н. Д. Миклухо-Маклай, эти материалы имеют большое значение, поскольку «автор сообщает ряд любопытных подробностей о странах, по которым пролегал его путь, и о различных злоключениях, пережитых им в дороге. Эта часть сочинения важна тем, что она дает достаточно конкретное и яркое представление о том, как житель Средней Азии 20-х годов XIX в., человек высокой восточной (мусульманской) образованности воспринимал европейскую жизнь и европейскую цивилизацию. Это восприятие в свою очередь лучше, чем что-либо другое, позволяет судить о культурном состоянии среднеазиатского общества первой половины XIX в.»³⁴

Вполне понятно, что в рамках одной статьи невозможно даже в общих чертах охватить все содержание столь многопланового сочинения, как «Мунтахаб ат-таварих». Так, мы не сказали о роли этого источника для истории сопредельных стран (Восточного Туркестана, Афганистана, Ирана), характеристики взаимоотношений между Бухарским эмиратом и Кокандским ханством, о его значении для истории узбекской классической литературы (как отмечает А. Каюмов, «Мунтахаб ат-таварих» является основным источником для изучения литературной среды Коканда первой половины XIX в.)³⁵, о том, что «Мунтахаб ат-таварих» сам по себе является прекрасным памятником узбекской классической прозы первой половины XIX в., который можно рассматривать как «образец прозаической мемуарной литературы XIX в.»³⁶ и т. д.

Резюмируя, можно сказать, что «Мунтахаб ат-таварих» занимает ведущее место среди кокандского круга источников. По времени написания он является самым ранним источником и охватывает большой отрезок времени и пространства, причем автор в значительной мере выступает как очевидец описываемых событий.

Немаловажен и тот факт, что Хаким-хан не был придворным летописцем, призванным восхвалять и увековечивать деяния своего заказчика. Более того, он открыто выступил против политики одного из наиболее жестоких правителей Кокандского ханства, за что и был изгнан за пределы государства. Чья-то верноподданническая рука на одном из списков его сочинения услужливо написала: «...Да не останется сокрытым от обладателей знания также то, что этот Хаким-тора является двоюродным братом покойного Мухаммад Али-хана мученика. Ввиду мятежных деяний вышеупомянутого тору изгнали из Коканда и Ферганы»³⁷.

Введение этого источника в научный обиход даст историкам ценнейший материал по истории Кокандского ханства с начала XVIII до середины XIX в.

Э. Хуршут

³⁴ Миклухо-Маклай Н. Д. Описание персидских и таджикских рукописей..., с. 326.

³⁵ Каюмов А. Қўқон адабий муҳити..., 15-бет.

³⁶ Там же, с. 14.

³⁷ Ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 593, л. 1а.

ХРОНИКА

ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ФИЛОСОФОВ

15 мая 1984 г. в Ташкенте, в ТашГПИ им. Низами, состоялась вторая Всесоюзная научно-теоретическая конференция на тему «Диалектика и современное научное познание», организованная Философским обществом СССР, его Узбекстанским отделением, Министерством просвещения УзССР и ТашГПИ им. Низами. На пленарном и пяти секционных заседаниях конференции было заслушано и обсуждено свыше 100 научных докладов, сообщений и выступлений по актуальным проблемам диалектики и логики современного научного познания, подготовленных учеными Москвы, Ленинграда, Ташкента, Харькова, Одессы, Новосибирска, Алма-Аты и других городов страны.

В центре внимания участников конференции находились пять узловых проблем. К первой из них относились вопросы, связанные с раскрытием внутреннего богатства материалистической диалектики, выступающей в качестве общей методологии и логики современного научного познания. Это — единство теории и метода диалектики, их структура: влияние теории и метода на стиль научного мышления; принципы диалектики и их роль в научном познании; развитие диалектических противоречий и их роль в научном познании; взаимосвязь системного, исторического, структурного и диалектического подходов в научном познании; метод определения философского статуса научных понятий и др.

Второй круг вопросов касался методологических проблем современного научного познания, прежде всего связанных с выяснением особенностей современного научного познания, обусловленных процессами интеграции и дифференциации науки. Это — диалектика синтеза знания и естественнонаучная картина мира; общенаучные теории, методы, понятия и их роль в современном научном познании; проблемы стиля научного мышления; взаимодействие общественных, естественных и

технических наук; формы влияния диалектики на научное познание и обратное влияние научного познания на дальнейшее обогащение содержания законов, категорий и принципов диалектики.

К третьему кругу относились вопросы, связанные с исследованием диалектики субъекта и объекта в научном познании, — логика научного исследования; соотношение эмпирического и теоретического уровня в научном познании; истина, закон и доказательство в науке; активность и адекватность отражения; воздействие научного сообщества на логическую структуру познания; роль субъекта в социальной детерминации познания и др.

К четвертой группе относились вопросы диалектики социального познания. Это, прежде всего, разработка методологических принципов анализа исторических явлений; специфика их проявления в различных общественных науках; методологические вопросы синтеза наук; взаимодействие человека — техники — производства; экологические проблемы; диалектика социально-классовых, национальных отношений; образ жизни и т. д.

Пятая группа вопросов относилась к критике буржуазных фальсификаций диалектики и логики современного научного познания. Предметом обсуждения были несостоятельность методологических основ буржуазной философии; субъективизм в понимании истины; биологизаторские концепции в философии науки; неопозитивизм и физическое знание; критика концепции «синтеза» науки и мистицизма и т. д.

На заключительном пленарном заседании участники конференции приняли и утвердили конкретные рекомендации по дальнейшей глубокой разработке указанных проблем. Следующую конференцию решено провести через три года.

Проведение данной конференции позволило еще более укрепить творческие контакты философов Узбекистана и братских республик и оказало благотворное влияние на дальнейшее развитие философских исследований по проблемам диалектики и современного научного познания, имеющим не только важное научное, но и актуальное практическое значение.

М. Х. Хасанов

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СОВРЕМЕННОЕ СОЦИАЛЬНОЕ И ЭТНИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ НАРОДОВ СССР, МИНОВАВШИХ СТАДИЮ КАПИТАЛИЗМА»

14—16 мая 1984 г. в столице Калмыцкой АССР г. Элисте проходила Всесоюзная научно-практическая конференция на тему: «Современное социальное и этническое развитие народов СССР, миновавших стадию капитализма». В работе ее приняли участие более 100 этнографов, историков, социологов, экономистов, фольклористов, а также руководящие работники комсомольских организаций более чем 50 городов страны.

На пленарном заседании конференции, открытом директором Института истории СССР АН СССР, доктором ист. наук С. С. Хромовым, первым секретарь Калмыцкого обкома партии В. И. Никулин сделал доклад «Советская Калмыкия, успехи в экономическом и культурном строительстве». Затем были заслушаны доклады С. С. Хромова — «Актуальные проблемы социально-экономического и культурного развития народов СССР, миновавших стадию капитализма, на современном этапе», зав. сектором Института этнографии АН СССР, доктора ист. наук И. С. Гурвича — «Влияние социально-экономических факторов на современные этнические процессы у народов СССР», зам. директора Института социологических исследований АН СССР, доктора филос. наук И. Т. Левыкина — «Идейно-воспитательные проблемы совершенствования социалистического образа жизни», директора Калмыцкого НИИ ИФЭ, канд. филос. наук К. П. Катушева — «Современное социальное и этническое развитие калмыцкого народа», зав. отделом Института языкознания АН СССР, доктора филол. наук Ю. Д. Дешернева — «Языковые проблемы общесоветской культуры в условиях совершенствования зрелого социализма».

Далее работа конференции проходила по трем секциям: 1. Интернационализация экономической и общественной жизни народов СССР, рост их социальной однородности. 2. Этнокультурные процессы в современных условиях и совершенствование духовной общности народов СССР. 3. Совершенствование социалистического образа жизни и вопросы интернационального воспитания.

Среди выступавших были и представители ученых Узбекистана. Так, профессор СамГПИ, доктор филос. наук Б. Н. Нормурадов сделал доклад на тему «Интернационализм и региональная особенность народного обряда», в котором обратил внимание на закономерности и направления в развитии народного обряда, соотношение национального и интернационального в этом процессе. Доц. СамГПИ, канд. филос. наук Ю. М. Халимбетов в докладе «Проблемы социальной и интернациональной активности сельской молодежи» подчеркнул, что в условиях мононациональности населения и относительного избытка рабочей силы на селе особое значение имеют вопросы повышения социальной и интернациональной активности молодежи, от чего во многом зависят успехи дальнейшего социально-экономического развития респуб-

лики и интернационалистского воспитания масс. Мл. научный сотрудник Института истории АН УзССР М. Д. Савуров в докладе «Об использовании земледельческого опыта малых народов Узбекистана в современном сельском хозяйстве» отметил актуальность внедрения и развития трудовых традиций корейцев и дунган в области рисоводства и выращивания огородных культур и их роль в освоении тугайных и богарных земель в Узбекистане.

Названные доклады вызвали широкий интерес у участников конференции. Выступившие в прениях отметили их актуальность и важность затронутых в них вопросов.

Всего на конференции выступило 86 ученых и практических работников из разных регионов и городов страны.

Подводя итоги работы конференции, доктор ист. наук С. С. Хромов отметил актуальность рассмотренных проблем, их теоретическую и практическую значимость для дальнейшего развития экономики и культуры страны, нашего советского образа жизни, укрепления ленинской дружбы народов и интернационалистского воспитания масс.

Конференция приняла ряд важных рекомендаций по более глубокой разработке этих проблем, координации усилий специалистов различного профиля по их комплексному исследованию.

Материалы конференции решено издать отдельным сборником.

М. Д. Савуров

НОВЫЕ ЭКСПОНАТЫ МУЗЕЯ ИСТОРИИ НАРОДОВ УЗБЕКИСТАНА

Фонды и экспозиции Музея истории народов Узбекистана им. М. Т. Айбека непрерывно пополняются. Только за 1982—1983 гг. поступило свыше 6000 новых экспонатов. Это прежде всего — результат целенаправленного сбора материалов на предприятиях, в колхозах, совхозах, учреждениях науки и культуры, творческих союзах, организациях.

Так, сотрудниками музея проводился сбор материалов, рассказывающих о достижениях коллективов крупнейших промышленных предприятий республики — завода «Ташсельмаш», Таштекстилькомбината, ТашГРЭС, Ташкентского фарфорового завода, заводов «Миконд», «Таштекстильмаш», тракторного и др.

В ходе экспедиции музея в г. Чирчик изучена деятельность электрохимкомбината, завода сельскохозяйственного машиностроения, трансформаторного завода, производственного объединения «Электрохимпром». Собраны социалистические обязательства коллективов этих предприятий, личные творческие планы-обязательства, наряды на работу в честь Ленинских субботников, Дипломы ВДНХ СССР и УзССР, различные грамоты, рапорта, документы передовиков производства, ударников коммунистического труда и др.

В Букинском районе Ташкентской области получены экспонаты, раскрывающие трудовой энтузиазм лучших труженников сельского хозяйства по претворению в жизнь решений XXVI съезда КПСС, выполнению Продовольственной программы СССР. Музею передан, в частности, Диплом ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ о присуждении Букинскому району переходящего Красного Знамени в 1980 г.

Поступили материалы от ряда научно-исследовательских учреждений, как институты системы ВАСХНИЛ и АН УзССР, от вузов Ташкента и других городов (многочисленные фотоснимки, грамоты, авторские свидетельства, опытные образцы препаратов, памятные медали, значки, выпущенные к юбилейным датам, и т. п.).

Собраны материалы о развитии народного образования, в том числе документы, наградные свидетельства лучших технических училищ и общеобразовательных школ г. Ташкента.

Принята на хранение коллекция материалов и документов, связанных с деятельностью одной из первых в республике опытно-показательных школ — школы-коммунны им. К. Либкнехта, действовавшей в 1919—1931 гг. в пос. Луначарском (многочисленные альбомы, групповые снимки выпускников, учебные планы и программы, воспоминания, материалы по организации всесоюзных встреч бывших воспитанников школы и др.).

От Союзов художников, писателей, композиторов Узбекистана, Театрального общества УзССР, Дворцов культуры получены каталоги произведений живописи и графики ряда крупнейших художников Узбекистана материалы съездов, выездных сессий, фотоматериалы, грамоты и дипломы первого Всесоюзного фестиваля самодеятельного художественного творчества и т. д.

Собраны интересные материалы о деятельности Узбекского Республиканского Комитета защиты мира: платежные поручения, квитанции, талоны на перечисление средств в фонд мира от организаций и граждан, художественные плакаты, посвященные миролюбивой политике СССР, обращения, лозунги и др.

Большая коллекция освещает деятельность Общества Красного Полумесяца УзССР: проведение съездов общества, республиканских смотров, семинаров, кон-

курсов, встреч с зарубежными гостями, работу активистов общества. Это разнообразные значки, документы, фотографии, печатная продукция.

УзОДКСом переданы музею сувениры, полученные из разных стран.

Ценные экспонаты поступили от Ташгорисполкома. Они рассказывают о Ташкенте как активном члене Всемирной федерации породненных городов. Это — подлинник письма жителей города-побратима Снэтла (США) с призывом совместно бороться против угрозы ядерной войны, письмо президента Торговой палаты Снэтла о подготовке к проведению «Дня Ташкента», символический ключ от г. Детройта, памятные медали городов Детройта, Туниса, Токио, извещение Всемирной федерации породненных городов о получении членских взносов от Ташкента, фотографии, запечатлевшие пребывание в Ташкенте различных делегаций, и т. п.

В музее сформирована крупная коллекция экспонатов, связанных с празднованием 2000-летия Ташкента; в нее входят различные сувениры, памятные медали, значки, рекламные издания, печатная продукция, юбилейная продукция предприятий местной и легкой промышленности УзССР, фотографии.

Полнилась и коллекция экспонатов, характеризующих дореволюционный период в истории Узбекистана. Это, например, коллекция почтовых карточек (свыше 100 шт.) с фотовидами архитектурных сооружений, исторических памятников, административных зданий, ремесленных производств, бытовых сцен из жизни дореволюционной Средней Азии. Другая коллекция почтовых карточек с видами Средней Азии приобретена музеем у жительницы г. Владивостока Г. А. Куклевой.

У населения приобретены этнографические предметы, характеризующие быт, уклад жизни жителей Ташкента XIX — начала XX в. В их числе — одежда, домашняя утварь, предметы хозяйственного обихода.

Музей приобрел также уникальную коллекцию художественной керамики, выполненную известным мастером, старейшим керамистом, народным художником УзССР, кандидатом искусствоведения М. К. Рахимовым совместно с сыном А. М. Рахимовым. Изделия созданы на основе фрагментов художественной керамики Ташкента X—XVII вв., обнаруженных в процессе археологических раскопок на территории города. Это одноручные сосуды для воды (куза, офтоба куза, кул-кузача, ш'ялобча) XI—XII вв. из лощеной терракоты; глубокое блюдо чукур лаган, большие и малые чаши — коса, чапок коса с надписями «куфли» X—XI вв.; катта-норин тогорача, норин тавокча с орнаментом «урдак» XIV в.; чаши шокоса и косача с орнаментом птицы счастья «анко» XIV—XV вв. и др.

В нумизматический фонд музея поступили 3 клада монет, обнаруженных на территории Ташкентской области. Керамический кувшинчик, в котором находились около 400 г многочисленных фрагментов монет, принес в музей экскаваторщик С. А. Завьялов. Он нашел этот клад при производстве земляных работ близ кишлака Кавардан совхоза «Бустон» Коммунистического района. Здесь же находились одна целая монета и три бусинки. По определению специалистов, монеты датируются второй половиной X в., они чеканены в период правления династии Саманидов.

Клад серебряных монет был найден в районе кишлака Ачисай совхоза «Бустон-2» Паркентского района чабаном А. Пардеевым. Монеты находились в керамическом кувшине, спрятанном в углублении в скале. Общий вес клада 2 кг 200 г, количество монет — 630 экз., очень хорошей сохранности. Монеты датируются началом XVI в. Основу клада составляют теньги, чеканенные в Самарканде в 1507 г. от имени Шейбани-хана.

Большой клад медных монет нашел в местности Очас Талах, близ кишлака Сукок Паркентского района, чабан К. Ахмеджанов. Эти монеты также находились в керамической кубышке. Их общий вес — 14 кг 500 г, а всего монет оказалось 3180. Они датируются концом XVI в.

У жителя г. Ташкента Ю. Ю. Соловьева приобретен штампель монеты периода правления династии Джагатаидов (XIV в.).

Эти экспонаты дополнили нумизматические коллекции музея новыми типами и вариантами, дали новые сведения о политической и экономической истории среднеазиатских государств в различные эпохи.

Институт археологии АН УзССР передал в фонды музея интересный археологический материал из раскопок канд. ист. наук М. Р. Касимова в районах Канчигай (Ферганская область), Учгурт (Бухарская область), Кульбулак (Ташкентская область):

Из Эрмитажа поступили подлинные фрагменты настенной живописи из Варахши (дворцовый комплекс правителей Бухары VII—VIII вв.) и муляжи знаменитого Айртамского фриза (I—II вв. н. э.).

В связи с празднованием 2000-летия Ташкента канд. ист. наук Р. И. Филянович передала музею для экспонирования уникальные археологические материалы, обнаруженные в ходе раскопок Шаштепа. Они были выставлены в разделах постоянной музейной экспозиции, на выставке «Ташкент — столица УзССР».

Новые экспонаты тщательно изучаются сотрудниками музея, которые осуществляют их учет, систематизацию, составляют научные паспорта, готовят тематические каталоги по видам коллекций, используют их при подготовке различных альбомов, путеводителей, буклетов, статей, а также монографий.

Собранные в музее ценные материалы, особенно советского периода, широко используются в деле коммунистического воспитания масс.

Л. Г. Девгеева

НОВЫЕ КНИГИ

МИНЬКОВСКИЙ Г., МИРЗАЖАНОВ К. ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ ПРАВОПОРЯДКА И БОРЬБЫ С ПРАВОНАРУШЕНИЯМИ

(Ташкент: Узбекистан, 1984, 176 с.)

Коммунистическая партия и Советское государство придают огромное значение всемерному укреплению социалистической законности и правопорядка как неременному условию совершенствования общества зрелого социализма. Это с новой силой подчеркнуто в речи на апрельском (1984 г.) Пленуме ЦК КПСС и других выступлениях Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко.

Вопросы борьбы с правонарушениями, уголовной политики партии и государства, совершенствования деятельности правоохранительных органов находятся в центре внимания советских юристов — ученых и практиков. Однако многие аспекты этой сложной и многогранной проблемы не нашли еще должного освещения в нашей юридической литературе и требуют дальнейшей глубокой разработки.

В этой связи следует отметить выход в свет книги Г. М. Миньковского и К. Мирзажанова, в которой на основе действующего законодательства, анализа и обобщения результатов криминологических и социально-правовых исследований, материалов практики правоохранительных органов Узбекской ССР освещаются современное состояние, задачи и пути дальнейшего повышения эффективности всех форм и средств борьбы с правонарушениями, совершенствования руководства этой борьбой и ее планирования.

Первоочередное внимание авторы уделили партийному руководству укреплению правопорядка и борьбой с правонарушениями, основным аспектам и специфике реализации руководящей роли КПСС в данной сфере жизни общества, которая осуществляется через широкий комплекс мероприятий различного уровня.

Далее раскрывается та важнейшая роль, которую играют в борьбе с правонарушениями, в мероприятиях по их профилактике органы государственной власти — Советы народных депутатов — под руководством КПСС. При этом подчеркивается, что осуществляемая в этом направлении властная деятельность ведется в плановом порядке, на основе программно-целевого подхода.

Особое место в работе отведено характеристике понятия и существенных черт системы мер борьбы с правонарушениями в условиях развитого социализма, причем упор здесь — и это вполне закономерно — сделан на профилактике преступности.

Отдельная глава книги посвящена вопросам борьбы с правонарушениями в системе экономического и социального планирования, где рассматриваются различные аспекты планирования борьбы с правонарушениями как составной части, подсистемы общей системы планирования; трактуются некоторые конкретные вопросы «технологии» планирования соответствующих мероприятий, составления плановых документов и т. д.

Много внимания уделено взаимодействию правоохранительных органов и общественности в борьбе с правонарушениями, совершенствованию этого взаимодействия, активизации роли общественности в укреплении общественного порядка и особенно в профилактике преступности.

В книге рассматриваются различные формы работы трудовых коллективов и общественности по месту жительства по предупреждению правонарушений и перевоспитанию правонарушителей. Особо отмечена роль в этом деле принятого недавно закона о трудовых коллективах. Здесь, как и по всей работе, сугубое внимание уделено предупреждению правонарушений.

Последняя (VI) глава посвящена анализу советского уголовного законодательства как правовой основы охраны социалистического общества и его граждан от преступных посягательств. Авторы высказывают свою точку зрения по трактуемым в юридической литературе вопросам, в том числе относительно принципов неотвратимости наказания, дифференциации и индивидуализации ответственности и наказания и др.

Эти и другие вопросы рассматриваются в работе как в теоретическом плане, так и с точки зрения актуальных задач практической борьбы за укрепление социалистической законности и ликвидацию преступности в нашей стране.

Таким образом, данная работа предназначена как для ученых-юристов, так и для работников правоохранительных органов.

Г. П. Саркисянц

ЦАЙ А. В. СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СФЕРЕ МАТЕРИАЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА

(НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИК СРЕДНЕЙ АЗИИ)

(Ташкент: Фан УзССР, 1983, 80 с.)

Проблемы эстетизации общественного производства, ее роли в повышении производительности труда и качества выпускаемой продукции ныне обретают все большее научно-теоретическое и практическое значение. В этой связи наше внимание привлекает изданная в 1983 г. работа канд. филос. наук А. В. Цая. Она состоит из введения, где характеризуются актуальность и степень изученности проблемы, трех глав и библиографии.

В первой главе («Происхождение и сущность эстетической культуры») анализируются основные подходы к определению сущности, структуры и функций эстетической культуры в имеющейся литературе. Автор отмечает, что хотя само понятие «эстетическая культура» еще не является общепризнанным и нередко смешивается с понятием «художественная культура», в сущности оно имеет право на существование и требует специального исследования. Недопустимость смешения эстетической и художественной культуры, по мнению А. В. Цая, обуславливается тем, что художественная культура не охватывает ряд явлений общественной жизни, вполне оцениваемых с эстетической точки зрения (труд, производство, техника, условия труда, продукты труда, быт, общение и т. д.). Кроме того, отождествление эстетической и художественной культуры, как подчеркивает автор, несет черты традиционного для классической эстетики сведения эстетической проблематики к художественной, т. е. к резкому сужению сферы эстетических явлений действительности.

Исходя из работ ряда известных советских эстетиков, автор обосновывает определенное своеобразие понятия эстетической культуры, видя в ней взаимосвязь материальной и духовной культуры общества, причем ядром эстетической культуры в сфере материального производства он считает эстетику труда и предметной среды.

В работе предпринята попытка раскрыть содержание понятия «эстетическая культура» не только с теоретико-философской, но и с историко-социологической точки зрения. Опираясь на известные суждения К. Маркса об эстетической деятельности человека, автор освещает процесс происхождения творчества «по законам красоты», становления и развития эстетической культуры в сфере материального производства в историко-теоретическом плане со времен античности до наших дней.

Во второй главе («Эстетическая культура в классовом антагонистическом обществе и характер ее развития») раскрывается своеобразие исторического развития эстетической культуры материального производства в эксплуататорском обществе.

Европейскую эстетическую культуру докапиталистических формаций А. В. Цай рассматривает главным образом как деятельность в сфере материального производительного труда (например, ремесло), в процессе которого создаются материальные ценности и который, по мнению автора, развивается с определенной самостоятельностью, независимо от художественной деятельности.

Особый параграф посвящен эстетической культуре Восточного Ренессанса. На основе анализа конкретных памятников архитектуры и продуктов ремесла, созданных народами Средней Азии в IX—XV вв., автор выявляет закономерности и особенности развития эстетической культуры указанного региона в сфере материального производства в тесной связи ее с художественной культурой.

В главе показан противоречивый, ограниченный характер эстетической культуры в буржуазном обществе, дана обоснованная критика подхода к эстетическому преобразованию производства и внешней среды в буржуазном обществе, осуществляемому с целью получения максимальной прибыли.

В третьей главе («Эстетическая деятельность советского человека — важнейший фактор становления и развития эстетической культуры зрелого социализма») теоретический анализ понятия эстетической культуры в сфере материального производства и ее исторического развития в различные эпохи завершается характеристикой эстетической культуры социалистического общества.

Автор подчеркивает мысль, что эстетическая культура социалистического общества по своему характеру, содержанию и масштабам качественно отличается от эстетических культур всех предшествующих исторических эпох. Учитывая, что эстетическая культура социализма охватывает все сферы жизни общества, в том числе материальное производство, А. В. Цай исследует проблему в комплексном плане, раскрывая диалектику таких ее важных моментов, как красота процесса труда, продуктов труда и материально-предметной среды, а также человеческих отношений.

В главе анализируются также особенности развития принципов эстетического оформления при социализме, выявляется тесная взаимосвязь эстетического и функционально-конструктивного в продуктах промышленности как перспективной тенденции развития производства.

Говоря о соотношении утилитарного и эстетического в продуктах материального производства, автор подвергает критике проявления украшательства в практике нашей архитектуры и художественного конструирования.

Теоретический анализ эстетической культуры зрелого социализма подкреплен в работе конкретными материалами из практики градостроительства и архитектуры, а также промышленного производства современного Узбекистана и ряда других среднеазиатских республик.

Работа А. В. Цая предназначена не только для специалистов, но и для широкого круга читателей.

Н. Бердиев, С. Норкузиев

МИНИАТЮРЫ К ПРОИЗВЕДЕНИЯМ АМИРА ХОСРОВА ДЕХЛЕВИ. АЛЬБОМ

(Ташкент: Фан УзССР, 1983, 132 с., с илл.)

В альбоме, изданном на высоком полиграфическом уровне, воспроизведены в цвете 85 миниатюр и 33 книжных орнамента из 21 рукописи XIV—XVII вв. произведений великого индийского поэта и мыслителя Амира Хосрова Дехлеви (1253—1325), хранящихся в основном в крупнейших фондах нашей страны — Институте востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН УзССР, Рукописном фонде АН УзССР, Ленинградской государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, а также в некоторых зарубежных собраниях — в Парижской Национальной библиотеке (Франция), музее Саларджанг Хайдарабада и Национальном музее Дели (Индия).

Значительная часть воспроизводимых материалов публикуется впервые. Они могут послужить ценным источником для дальнейшей разработки истории миниатюрной живописи народов Востока, изучения литературного наследия крупнейшего персоязычного поэта Индии, исследования культурных взаимоотношений народов Среднего Востока и Индии. Они показывают, что гуманистические, прогрессивные идеи великого индийского поэта и мыслителя нашли своих поклонников в таких крупных древних центрах культуры, как Бухара, Герат, Тебриз, Шираз, Фезд и др.

Следует отметить высокий художественный уровень мастерства создателей опубликованных миниатюр и книжных орнаментов, среди которых особо выделяются произведения гениального художника устада Камаладдина Бехзада, прозванного «Рафаэлем Востока» (илл. 16—22).

Составители альбома и авторы предисловия — проф. Х. С. Сулейманов и Ф. К. Сулейманова. Он издан под редакцией акад. АН УзССР Э. Д. Юсупова, отпечатан в столице Югославии г. Белграде и является продуктом творческого сотрудничества между нашими странами.

Предисловие, аннотации рукописей, названия миниатюр и орнаментов даны на узбекском, русском и английском языках, что делает альбом доступным для весьма широкого круга читателей.

А. А. Мадраимов

МУНДАРИЖА

Партия қарорлари — ҳаётга!

И. И. Абдурахмонов. Меҳнат интизоми — иш жараёнида муҳим фактор 3

ЎзССР ва Ўзбекистон Компартияси 60 йиллигига

Д. Алламуродов, Т. Искандаров. Ўзбекистон ССРнинг ташкил топиши ва маҳаллий Советларнинг мустақамланиши

Ш. Ф. Гибсов. Саноат корхоналарида меҳнатни механизациялаш даражасини таҳлил қилиш методикасига доир 15

А. Н. Тихонов, А. П. Хожиев. Ўзбекистонда рус тилини умуммиллий алоқа воситаси сифатида ўрганишнинг баъзи проблемалари 17

Илмий ахборот

Ю. С. Сирожиддинов. СССР Конституцияси ва иттифоқдош республикалар Конституцияларининг ўзаро тааллуқлиги ҳақида 25

С. П. Воробьева. Ҳуқуқ ва халқ урф-одатларининг ўзаро таъсири 28

Ф. Мақсудов. Илмий фикрлаш услуби ва илмий билиш методи 29

Ю. Манзаров. Қарши воҳаси чўлқуварлари профессионал ва маданий-техник савиясини ошириш 32

Фан янгиликлари: изланишлар, янгиликлар, топилмалар

Б. Х. Матбобоев. Чустдан топилган кулолчилик буюмлари классификацияси 34

С. А. Савчук. Кампиртепадан топилган жажжи санъат буюмлари 39

Манбашунослик

Э. Хуршут. «Мунтахаб ат-таворих» XVIII—XIX асрлардаги Ўрта Осиё ва унга қўшни юртлар тарихи бўйича манба сифатида 40

Хроника

М. Х. Ҳасанов. Файласуфлар бутуниттифоқ анжумани 44

М. Д. Савуров. «Капитализмни чеглаб ўтган СССР халқларининг ҳозирги социал ва этник ривожини» илмий-амалий конференцияси 45

Л. Г. Левтеева. Ўзбекистон халқлари тарихи музейига қўйилган янги экспонатлар 46

Янги китоблар

Г. П. Саркисянц. *Миньковский Г., Мирзижонов К.* Тартиб-ҳуқуқни қўриқлаш ва ҳуқуқбузарликка қарши кураш проблемалари 48

Н. Бердиев, С. Норқулов, *Цай А. В.* Моддий ишлаб чиқариш доирасида эстетик маданиятни юзага келиши ва ривожини 49

А. А. Мадраимов. Амир Хусрав Деҳлавий асарларига миннатуралар. Альбом 50

СОДЕРЖАНИЕ

Решения партии — в жизнь!

- И. И. Абдурахманов. Дисциплина труда — важный фактор трудового процесса 3

К 60-летию УзССР и Компартии Узбекистана

- Д. Алламуратов, Т. Искандаров. Образование Узбекской ССР и укрепление местных Советов 9

- Ш. Г. Гиясов. К методике анализа уровня механизации труда на промышленных предприятиях 15

- А. Н. Тихонов, А. П. Ходжиев. Некоторые проблемы изучения в Узбекистане русского языка как средства межнационального общения 19

Научные сообщения

- Ю. С. Сираждинов. О соотношении Конституций СССР и союзных республик 25

- С. И. Воробьева. Взаимодействие права и народных традиций 28

- Ф. Максудов. Стиль научного мышления и методы научного познания 29

- Ю. Манзаров. Повышение профессионального и культурно-технического уровня освоителей Каршинской степи 32

Новое в науке: поиски, открытия, находки

- Б. Х. Матбабаев. Классификация керамики Чустского поселения 34

- С. А. Савчук. Предметы малого искусства из Кампиртепа 39

Источниковедение

- Э. Хуршут. «Мунтахаб ат-таварих» как источник по истории Средней Азии и сопредельных стран XVIII—XIX веков 40

Хроника

- М. Х. Хасанов. Всесоюзная конференция философов 44

- М. Д. Савуров. Научно-практическая конференция «Современное социальное и этническое развитие народов СССР, миновавших стадию капитализма» 45

- Л. Г. Левтеева. Новые экспонаты Музея истории народов Узбекистана 46

Новые книги

- Г. П. Саркисянц. *Миньковский Г., Мирзажанов К.* Проблемы охраны правопорядка и борьбы с правонарушениями 48

- Н. Бердиев, С. Норкузиев. *Цай А. В.* Становление и развитие эстетической культуры в сфере материального производства 49

- А. А. Мадраимов. Миниатюры к произведениям Амира Хосрова Дехлеви. Альбом 50

НОВЫЕ КНИГИ

ИЗДАТЕЛЬСТВА «ФАН» УзССР
1984

А. Носов, Э. Юсупов

ЛЕНИНСКОЕ НАСЛЕДИЕ И ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

На рус. яз. 280 с. Цена 3 р. 20 к.

В монографии исследуется история разработки В. И. Лениным марксистской концепции русского и мирового исторического процесса, истории большевизма, трех русских революций и первых лет советского общества; освещается борьба В. И. Ленина за партийность советской исторической науки; разоблачается буржуазная и мелкобуржуазная фальсификация истории Октябрьской революции и истории КПСС.

Коллектив

ИЗМЕНЕНИЕ КЛАССОВОЙ СТРУКТУРЫ ОБЩЕСТВА В УЗБЕКИСТАНЕ ЗА ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (1917—1980 гг.)

На рус. яз. 304 с. Цена 3 р. 20 к.

В монографии рассматривается процесс изменения классовой структуры Советского Узбекистана как составная часть социально-экономической политики партии, борьбы за создание материально-технической базы коммунизма; прослеживаются глубокие качественные изменения в составе рабочего класса колхозного крестьянства, народной интеллигенции; проанализирован динамизм их культурно-технического роста, изменения профессионально-квалификационной структуры; исследуются социальная роль научно-технического прогресса, процесс постепенного стирания классовых различий.

С. Х. Файзулина

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ ШКОЛЬНИКОВ УЗБЕКИСТАНА (1917—1980 гг.)

На рус. яз. 188 с. Цена 1 р. 70 к.

В книге подробно прослеживается процесс формирования и развития системы эстетического воспитания учащихся в школах Советского Узбекистана на различных этапах социалистического

строительства. Особое внимание уделено совершенствованию форм, средств и методов эстетического воспитания учащейся молодежи как в школе, так и во внешкольных учреждениях на современном этапе. Должное место отведено *вопросам эстетической подготовки учительских кадров.*

Коллектив

**СТРАНЫ БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО
ВОСТОКА В МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЯХ (XIX—XX вв.)**

На рус. яз. 152 с. Цена 1 р. 70 к.

В сборнике анализируются общие закономерности и особенности межгосударственных отношений ряда стран Ближнего и Среднего Востока в XIX—XX вв., прослеживается эволюция их политики на разных этапах развития этих стран. Динамика их межгосударственных отношений рассматривается в связи с внутривосточными процессами в каждой из них, а также с мировой политикой в новое и особенно в новейшее время. Особое место уделено политике СССР в данном регионе.

С. Б. Лунина

ГОРОДА ЮЖНОГО СОГДА В VIII—XII вв.

На рус. яз. 128 с., с. 10 л. илл. Цена 1 р. 20 к.

В работе рассматриваются процесс урбанизации Южного Согда в период развитого средневековья, типология городов и поселений городского типа в регионе, прослеживается динамика их развития. Впервые для долины Кашкадарьи исследована стратиграфия средневековых памятников. Описаны остатки ремесленных производств, выделены этапы развития керамического производства.

Юсуф Султанов

ХАМЗА

Очерк жизни и творчества

Издание второе, дополненное

На рус. яз. 104 с. Цена 85 к.

В работе воссоздан творческий портрет основоположника узбекской советской литературы Хамзы Хаким-заде Ниязи (1889—1929). В книгу включены новые архивные документы и сведения о ранее не известных произведениях писателя.

НАШИ АВТОРЫ

- Алламурадов Д.**— доктор исторических наук, профессор кафедры истории СССР ТГПИ им. Низами.
- Тихонов А. Н.**— доктор филологических наук, ст. научный сотрудник Института русского языка АН СССР.
- Ходжиев А. П.**— доктор филологических наук, зав. отделом современного узбекского языка Института языка и литературы им. А. С. Пушкина АН УзССР.
- Абдурахманов И. И.**— кандидат юридических наук, зав. кафедрой научного коммунизма Республиканского педагогического института русского языка и литературы.
- Воробьева С. И.**— кандидат юридических наук, преподаватель юридического факультета ТашГУ им. В. И. Ленина.
- Хуршут Э.**— кандидат исторических наук, мл. научный сотрудник Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН УзССР.
- Гясов Ш. Г.**— аспирант МГУ им. М. В. Ломоносова.
- Искандаров Т.**— соискатель ТГПИ им. Низами.
- Максудов Ф.**— аспирант ТГПИ им. Низами.
- Манзаров Ю.**— аспирант ТГПИ им. Низами.
- Матбабаев Б. Х.**— аспирант Института археологии АН УзССР.
- Савчук С. А.**— ст. лаборант Института искусствознания им. Хамзы Хаким-заде Ниязи Министерства культуры УзССР.
- Сираждинов Ю. С.**— аспирант юридического факультета ТашГУ им. В. И. Ленина.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

В 1985 г. будет широко отмечаться 150-летие со дня рождения Ч. Ч. Валиханова. В связи со знаменательной датой Главная редакция Казахской советской энциклопедии осуществляет выпуск юбилейного издания — 5-томного Собрания сочинений Ч. Ч. Валиханова.

В 1-м томе публикуются очерк о жизни и творчестве ученого, его труды по истории, географии, этнографии, восточной фольклористике, языкознанию, написанные в 1851—1856 гг. Во 2-м томе помещены статьи, заметки и отчеты о поездках по Южному Казахстану, Семиречью, Прииссыккулью, Кульджинскому краю и др., охватывающие 1856—1857 гг. В 3-м томе собраны материалы, датируемые 1857—1860 гг. Это описания знаменитого путешествия в Восточный Туркестан, труды и исследования по истории Казахстана, Средней Азии и Джунгарии. В 4-м томе — статьи и заметки, написанные в поздний период творчества Ч. Ч. Валиханова (1860—1864 гг.), а также ряд архивных материалов. В 5-м томе — материалы биографии Ч. Ч. Валиханова, его служебной и научной деятельности, богатое эпистолярное наследие ученого, воспоминания о нем друзей и современников.

В издание включены новые работы из творческого наследия Ч. Ч. Валиханова, оно снабжено обширными комментариями, иллюстрациями.

Подписка принимается книжными магазинами, распространяющими подписные издания. При подписке вносится задаток в размере ориентировочной стоимости одного тома (1 руб. 30 коп.), который засчитывается при получении последнего тома.

Цена 65 к.

Индекс
75349